В. А. Богородицкий,
профессор Казанского Университета.

ВВЕДЕНИЕ

в тюрко-татарское языкознание.

Часть 1-ая (общая):
о природе языка; физиология и психология речи; типы языков.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т. С. С. Р.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ПОГРЕШНОСТИ.

Стр. 10_{13} в конце строки: вм. 1913 должно читать 1918.

— 13_{11}: перед выражением *уклад шепотный* поставить 3).

— 19: на рис. 1-ом сверху одна под другою стоят буквы *ы*, *э*, *ѳ*; на рис. 4-ом внизу не вполне вышла буква *а*, а сбоку *ӓ*.

— 20: на рис. 5-ом внизу не вполне вышли буквы *а*, *а̊*.

— 27: в последней строке слог второй от конца должно читать ѳт вм. ёт.

— 48_{11}: после слова *qатадá* поставить скобку).

Многоуважаемому
Льву Владимировичу Щербе
от автора.

В. А. Богородицкий,
профессор Казанского Университета.

ВВЕДЕНИЕ

в тюрко-татарское языкознание.

Часть I-ая (общая):
о природе языка; физиология и психология речи; типы языков.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т. С. С. Р.

ПРОВ. 195
„Пров 51„

Р1
32

Р. В. Ц. г. Казань. Печатать разрешено № 570. Тираж 1500 экз.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
356
52

Казань. 1-я Государственная типография, Казанская, 9. 1922 г.

Предисловие.

Принимаясь за составление Введения в тюрко-татарское языкознание, я разбил свой труд на две части. Предлагаемая первая часть ставит целью ознакомить читателя в возможно простом и кратком виде, при соблюдении научности, с общими основаниями науки о языке, иллюстрируемыми на примерах из русского и татарского языков. Избранный популярный характер изложения первой части „Введения" диктовался прежде всего желанием быть полезным для преподавателей школ как татарских, так и русских, отчасти и для учащихся старших классов, а кроме того я полагал, что мой труд может пригодиться для будущих составителей грамматического руководства по татарскому языку, которое должно находиться в согласии с данными современного языкознания. Вторая часть моего сочинения будет носить специальный характер, ставя целью изложить важнейшие данные из сравнительной грамматики тюрко-татарских языков, при чем попутно будут трактоваться и некоторые вопросы, не нашедшие себе места в первой части.

Замечу, что вместо названия „турецко-татарские" языки я употребляю термины „тюркские" или „тюрко-татарские", так как термин „тюркский" в русской лингвистической литературе употребляется только в широком смысле как название целого языкового семейства, тогда как термин „турецкий" встречается в двух значениях—широком („турецко-татарские" языки) и узком, мною принимаемом, в смысле „османский" язык, т. е. язык собственно турок; сложным термином „тюрко-татарские" языки я имею в виду подчеркнуть, что видное место в своем исследовании отвожу татарскому языку.

Автор.

15 VIII 1921 г

I. Значение науки о языке; общее понятие о природе языка и его развитии; деление науки о языке.

Наука о языке или языкознание (лингвистика) представляет значительную важность в ряду историко-культурных наук: она знакомит с природой языка, родством языков, с сравнительным методом, получающим все более широкое применение в культурных науках и наиболее строго применяемым именно в языкознании, представляет важность и прикладными отделами, позволяя воссоздавать доисторическую культуру народов по языковым данным и давая опору для рационального обучения родному языку и иностранным.

Соответственно сказанному постараемся прежде всего уяснить себе самую природу языка, как естественного явления, а для этого необходимо иметь в виду *живую речь*, проявляющуюся в разговоре, и отрешиться от обычного взгляда на язык, как письменность. Живой или разговорный язык всегда предполагает говорящего и слушающего, при чем у *говорящего* мысль вызывает соответствующее словесное выражение, у *слушающего* же, наоборот, слова слышимой речи возбуждают мысль, иначе говоря—у говорящего мысль как бы ведет за собою слова, а у слушающего под влиянием слов складываются мысли. Процесс разговора не является однако простым обменом слов для передачи мысли, но представляет более глубокую сущность, так как и говорение и слушание непременно содержат в себе *творческий элемент*: при нашем говорении мы не повторяем в точности одни и те же прежние выражения, но организуем новые, наиболее соответствующие той мысли, которую мы хотим сообщить другому; точно также и при слушании чужой речи, воспринимая новые для нас сочетания слов, мы воссоздаем по ним в своем воображении смысл сообщаемого; подобным образом и все развитие детской речи сопровождается творчеством, так как, подражая речи окружающих, дети пробуют по образцу ее создавать собственные выражения для передачи своей несложной мысли или желания. Вполне понятно, что речевое творчество как у говорящего, так и у слушающего, идет не всегда одинаково успешно: при сильном под'еме душевной энергии оно совершается наиболее успешно,—тогда

у говорящего удачнее подбираются слова, создаются новые, и вся речь становится выразительнее, а у слушающего глубже затрагиваются соответствующий мир понятий и представлений и рельефнее выливовываются образы.

Но речь все-таки оставляет многое не высказанным, тем более, что представления и понятия у каждого лица складываются своим путем и потому у разных индивидуумов не могут быть вполне тождественными. [1]) Отсюда происходит стремление говорящего так высказываться, чтобы в уме слушающего как можно вернее и полнее отразилась его мысль, а это стремление вместе с тем ведет естественно к дальнейшему усовершенствованию или *прогрессу* языка. Прогресс языка в истории человечества будет нам особенно нагляден, если сравним язык каких-нибудь дикарей, иногда не имеющих даже особых названий для чисел дальше четырех или пяти, с литературным языком народов, достигших высокой ступени развития. В то же время наша речь представляет собою в высокой степени важное *социальное* (общественное) явление. Такое значение языка видно из того, что без его посредства не было бы достаточного взаимного понимания между людьми (ибо жесты сравнительно со словом—далеко менее совершенный способ передачи другим мысли), [2]) а потому не могла бы столь успешно развиваться общественная работа и цивилизация. Подобно последним наша речь или разговор основывается на природном стремлении к сообществу: можно думать, что и самые начатки языка не вызваны лишь одною нуждою во

---

[1]) Мысль и язык хотя и формируются особо в душе каждого индивидуума, но все же, благодаря общению, представляют так много сходного у лиц одного и того же общества, что это дало некоторым ученым (Штейнталь, Вундт) повод говорить об особой народной душе и на этом основывать народную психологию; но очевидно в действительности такой общей у народа души, как чего-то особого, не существует, а только индивидуальные.

[2]) В самом деле, что всего легче может служить в качестве *символов* или *знаков* для передачи того изобилия понятий и представлений, которые проходят в нашем уме? Очевидно, нечто такое, что было бы весьма *разнообразно* и вместе с тем с одной стороны—*легко производимо*, а с другой—*легко улавливаемо* или воспринимаемо другими. Невольно изумляешься перед тем, как удачно пришло человечество к тому, чтобы воспользоваться такими легкими для производства и восприятия символами, какие представляет собою звуковая речь; вместе с тем эти символы, состоящие из звукосочетаний произносимых и слышимых, по разнообразию звуковых элементов вполне достаточных для обозначения разнообразных предметов мира, легко переходят в *бессознательную деятельность*, что также чрезвычайно важно, потому что они в таком случае уже не затрудняют хода мысли. Что же касается жестов, то, пока еще человеческий язык был слишком недостаточно развит, они могли играть довольно значительную роль, но с развитием языка значение их ослабело, так как они не могли дать такого разнообразия и не были столь удобными символами при передаче мысли, как звуковая речь; поэтому теперь жесты, как символы, имеют лишь побочное значение, сопровождая и дополняя живую речь.

взаимной помощи, но заложены в том же природном стремлении людей к общественности. Потому и при воспитании вопрос о развитии родного языка занимает видное место.

И так, прогресс языка тесно связан с прогрессом цивилизации, при чем появление у человека новых идей и понятий сопровождается новообразованиями в области слов и выражений, хотя иногда, в случае исчезновения тех или других предметов или понятий, в языке могут удерживаться их названия, приспособившись для обозначения новых представлений и явлений, сходных с прежними или заступающих их место. В этом случае в словах может отражаться намек на прежнюю, иногда очень отдаленную культуру; так, в области русского языка можно указать для примера выражения: „*стрелять*“ —от сущ. „стрела“, хотя процесс стрельбы в настоящее время совершается уже с помощью других орудий, „*вздувать огонь*“ и т. д, или для татарского срв. передачу слова „варить“ (пищу) посредством выражения *казан асмак* (собств. — подвесить котел); некоторые выражения отражают даже глубокую мифологическую старину, напр. срв. в русском языке „солнце *взошло*“, „солнце *село*“ и др., или в татарском языке: тан, *ата* „светает“ (собств. утренняя заря стреляет) и т. п. Таким образом язык каждого народа является как бы летописью пережитой культуры и социальной истории этого народа. [1]) Здесь отчасти и корень любви каждого народа к своему языку, тем более, что каждый человек легче и лучше мыслит и излагает свои мысли при помощи слов того языка, к которому привык с детства. В разных языках слова для сходных понятий нередко представляют различие не только по своему образованию, но вместе с тем и по оттенку или нюансу мысли, а отсюда может проистекать и своеобразие в направлении мысли. Таким образом различие языков заставляет человечество идти к истине как бы различными путями, освещая ее с разных точек зрения, а это служит залогом наиболее полного достижения истины, а не одностороннего. Поэтому-то угнетение языка народности, уже само по себе жестокое и несправедливое, не может не сопровождаться ущербом и вообще для человеческой культуры.

Наш язык, служа для выражения мысли, в значительной мере является и *орудием мысли*. Уже самое существование слов, как некоторых об'ективных символов, содействует переходу расплывча-

---

[1]) На этом основывается воссоздание по данным языка развития доисторической культуры, что составляет предмет лингвистической археологии.

тых и легко теряющихся представлений в более устойчивые и фиксированные в слове понятия, а чрез то и самое мышление приобретает определенность и ясность. Но роль языка не ограничивается этим: приспособляясь к развивающейся мысли, он служит вместе с тем *выразителем успехов познающей и классифицирующей деятельности ума*; срв. напр. существование в языках определенных суффиксов для обозначения разного рода групп предметов: так, в русском языке суффикс *-тель* (напр. писатель) и в татарском суф. *-чы* (напр. укытучы „учитель“) служат для обозначения деятелей, или в прилагательных русский суффикс *-ный* (напр. умный) и тат. суффикс *-лы* (напр. аяклы „имеющий ноги“) указывают на обладающего чем-либо, и т. п. Воплощая успехи познающей мысли, элементы языка в свою очередь служат исходною точкою для последующего его развития; без такого фиксирующего свойства языка в человечестве не могла бы развиться ни одна наука. Дети, учась родному языку, бессознательно усваивают и все эти результаты классифицирующей мысли своего народа, так что самое усвоение языка является для них как бы школой естественной логики ума.

Язык служит не только для выражения познающей мысли, но он дает возможность удовлетворять и *художественным* стремлениям человека, так как содержит в себе кроме звуков речи также элементы ритма, музыкальности, созвучий, которые, придавая слову красоту, позволяют ему принимать художественное развитие. Таким образом, уже в самой природе языка содержатся элементы для возникновения и развития *поэзии* или языка художественного, приспособляющегося к развитию образной или художественной мысли, подобно тому как язык научный или *прозы* приспособляется к успехам научной мысли. В тесной связи с особенностями ритма и мелодии народной речи стоят песенные напевы данной народности.

Рассматривая природу языка, мы должны еще отметить его *изменчивость* во времени и пространстве, благодаря которой получилось в течение веков все языковое многообразие. Главнейшими факторами этой изменчивости языка являются смена генераций и расселение племен, вступающих при этом в новые условия. В настоящее время наука о языке распределяет все языки земного шара на ряд отдельных семейств (арио-европейское или индо-европейское, тюркское, финно-угорское и целый ряд других семейств в разных частях света), настолько различных, что оказывается не возможным обнаружить родство между ними и, следовательно, одно общее их происхождение (хотя со временем, быть может, и удастся открыть

родство по крайней мере между некоторыми из них). Каждое из этих семейств в свою очередь распадается на языки, наречия и говоры. Родство между языками, образующими то или другое семейство, языковедение доказывает путем сопоставления их слов и грамматических форм, что составляет предмет сравнительной грамматики этих языков.

Ознакомившись с природою языка, как об'екта лингвистических изучений, мы обратимся теперь к самой *науке о языке*, чтобы указать главные ее *подразделения*. Языковедение распадается прежде всего на *чистое и прикладное*. В область чистого языковедения входит сравнительно-историческое изучение языков того или другого семейства, как со стороны грамматического строя, так и лексического запаса (т. е. запаса слов). В грамматику языка входит изучение его *фонетическое* (т. е. со стороны звукового состава и звуковых законов) в связи с физиологиею звуков, *морфологическое* (со стороны знаменательного состава слов) и *синтаксическое* (со стороны способов сочетания слов в предложения), при чем изучение знаменательной стороны слов опирается на психологию. К какой бы из этих категорий явления языка ни относились, они должны быть изучены не только в *современном* их состоянии (статика языка), но также и в *историческом* развитии (динамика языка); при этом исследование не ограничивается *литературным* языком (если таковой существует), но считается и с *народными говорами* во всем их разнообразии (диалектология). На основании такого частного изучения отдельных языков формируется более общее *сравнительное* изучение языков данного семейства, хотя и изучение отдельного языка часто не может обойтись без сравнения с его родичами. В каждом языковом семействе, при сравнительно-историческом его изучении, лингвист старается воссоздать в качестве исходного пункта его *праязыковое состояние*, т. е. определить грамматический строй и лексический состав в ту эпоху, когда оно еще не разделилось на ветви, а затем уже следит и за дальнейшим диалектическим развитием до настоящего времени. Что касается *прикладного* языковедения, то сюда относится главным образом *воссоздание первобытной культуры* отдельных семейств и ее последующего развития по данным языка, при чем лингвистика близко соприкасается с другими культурно-историческими науками; кроме того, *педагогические* вопросы о приемах изучения языков, как родного, так и иностранных, получают надлежащее освещение также в науке о языке, в прикладном ее отделе.

Сказанное о разделении языковедения можно дополнить следующим табеллярным представлением:

А. Область чистого языковедения.	а) Грамматика (как литературного, так и народного языка в их современном состоянии и в историческом развитии, а также сравнительная грамматика языков данного семейства).	4) Фонетика. 2) Морфология (с стороны семазиологической и формальной). 3) Синтаксис.
	б) Лексикология или словарь (слова и их значения как литературного, так и народного языка, в современном употреблении и в письменных памятниках прошлого, а также сравнительный словарь языков данного семейства).	
В. Область прикладного языковедения	а) к вопросам культурно-исторической жизни, б) к вопросам учебно-педагогическим.	

К библиографии предмета. Из пособий на русском языке по общему языковедению можно назвать следующие: Крушевский Н. Очерк науки о языке (1883); Томсон А. Общее языковедение (1910)[2]; Поржезинский В. Введение в языковедение (1916)[4]; Богородицкий В. Очерки по языковедению и русскому языку (1910)[1] и его же Лекции по общему языковедению (1915)[2]; Кудрявский Д. Введение в языковедение (1913)[2]; Ушаков Д. Краткое введение в науку о языке (1917)[2]; Потебня А. Язык как творчество (1913); Рихтер Э. Как мы говорим? перевод с нем. под ред. А. Щербы (1913); Бузук П. Очерки по психологии языка (1913). Сочинения, относящиеся специально к тюрко-татарскому языкознанию, будут указаны во второй части настоящего труда.

II. Физиология звуков речи.

Мы приступаем теперь к более детальному изучению природы живой речи. Человеческая речь представляет две стороны—*звуковую* и *смысловую*, при чем первая или сторона звуковая служит говорящему средством для второй, т. е. для передачи другим его мысли (смысловой стороны). Сначала мы займемся рассмотрением звуковой стороны нашей речи, составляющим содержание так наз. *физиологии звуков речи*.

Звуковая сторона речи представляет довольно сложный процесс: для произведения звуков речи требуется целая совокупность *работ*

говорильного аппарата: этими работами (движениями) частей говорильного аппарата вызывается *колебательное движение воздуха*, а это последнее вызывает *слуховые ощущения* определенных звуков (напр. *а, ж, т*, и т. п.) как у слушающего, так и у говорящего. Из сказанного выясняются две основные точки зрения на звуки речи — *произведение звуков* и их *слышание*, при чем сторона произведения звуков или произносимая принадлежит только говорящему, а слышимая — обоим, соединяя таким образом говорящего и слушающего.

Для понимания стороны произведения звуков речи необходимо ознакомиться с устройством *речевого* или *говорильного аппарата*. Этот аппарат состоит из следующих пяти главных частей, работою которых производятся звуки речи: 1) *Дыхательный аппарат*, посылающий выдыхательный ток воздуха, необходимый для произношения звуков речи; 2) *Гортань* с голосовыми связками, которые под напором выдыхательного тока могут приходить в быстрое колебание, сообщающееся воздушной среде и обусловливающее звук голоса; 3) *Мягкое небо*, открывающее или же закрывающее доступ произносительному току воздуха в носовую полость; 4) *Нижняя челюсть*, могущая опускаться или же подниматься к верхней, производя таким образом открывание или же закрывание рта, требующееся для произношения звуков гласных или же согласных; 5) *Органы произношения* — язык и губы, своими укладами или артикуляциями придающие звукам окончательную определенность.[1]) Прибавим, что если бы над гортанью, производящей голос, не лежали полости глотки, рта и носа, видоизменяемые в своей форме от действия органов произношения, тогда не было бы и соответствующего разнообразия звуков нашей речи, но просто гортань издавала бы однообразный музыкальный звук, подобно звуку музыкального инструмента. Рассмотрим теперь в намеченном порядке роль перечисленных пяти частей нашего говорильного аппарата при образовании различных звуков речи (см. приложенный далее рисунок вида говорильного аппарата и голосовой щели).

I. **Дыхательный аппарат**, дающий необходимый для произношения ток воздуха, образуется грудною клеткою с находящимися в ней **легкими**. Надо различать *простое дыхание* (не во время речи) и дыхание *произносительное* или *фонационное* (служащее для речи). В первом случае фазы вдыхания и выдыхания приблизительно равны по длительности, а во втором фаза выдыхания, предшествуемая ко-

[1]) О трех моментах артикуляции см. ниже стр. 24.

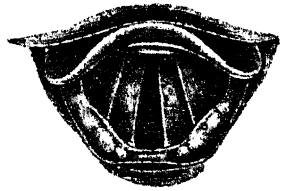
ВИД ГОВОРИЛЬНОГО АППАРАТА

в сагиттальном разрезе:

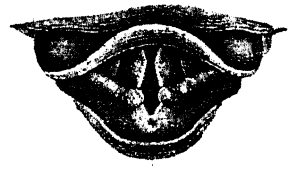
1. Правая голосовая связка.
2. Полость глотки.
3. Мягкое небо опущено.
4. Мягкое небо поднято и касается задней стенки глотки.
5. Полость носа.

ВИД ГОЛОСОВОЙ ЩЕЛИ:

а) при звучании



б) при дыхании и глухих звуках



в) при шепоте

ротким и достаточно глубоким вдыханием, бывает более или менее растянута, при чем фонационный выдыхательный ток воздуха дробится на участки по отдельным словам, а в словах по слогам; необходимо еще добавить, что слоговые толчки выдыхаемого тока воздуха представляют неодинаковую силу и продолжительность в зависимости от положения слогов относительно слога с ударением, на который обычно приходится главный выдыхательный толчок. Так как строение слов со стороны ударения представляет различия по языкам (напр. в русском языке ударение может приходиться на разных слогах в словах, тогда как в татарском оно предпочтительно встречается на конечном слоге), то соответственно этому в разных языках происходит и неодинаковое регулирование выдыхательного тока при произношении. Таким образом в разных языках требуются не одни и те же навыки в распределении выдыхательного тока воздуха по слогам в словах и фразах. Отсутствие таких навыков обнаруживается при говорении неправильностями речевого ритма.

II. Гортань с голосовою щелью. В гортани, чрез которую прежде всего проходит ток воздуха, посылаемый дыхательным аппаратом, имеется голосовая щель, образуемая двумя голосовыми связками, правою и левою. Различаются три главных уклада голосовой щели: 1) *уклад при звучании* (при гласных, а также—звонких согласных, напр. *в*, *л*, *з*, и т. п.), для чего связки тесно сближены и кроме того натянуты, и выдыхательный ток, напирая на них, приводит их в звучное колебание;[1]) 2) *уклад беззвучный* (при глухих звуках, напр. *т*, *к*, *ш* и т. п.), когда голосовая щель более или менее широко раскрыта вследствие раздвижения друг от друга задних концов голосовых связок, так что выдыхательный ток воздуха свободно и безшумно проходит чрез такую раскрытую голосовую щель, шумы же *т*, *к*, *ш* и т. п. возникают не в гортани, а в полости рта от той или иной преграды выдыхательному току воздуха, производимой органами произношения (губами или языком);[2]) *уклад шепотный*, являющийся как бы промежуточным между первыми двумя, при чем голосовые связки при слабом натяжении несколько сближены, так что выдыхательный ток воздуха трением о края связок производит шум

---

[1]) При этом чем больше голосовые связки натянуты, тем чаще они колеблются и потому получается большая *высота тона*; большая сила в напоре выдыхательного тока обусловливает больший размах в колебаниях голосовых связок и следов. большую *силу тона*.

[2]) В качестве средства для распознания звонкости и глухости того или другого звука может служить наложение пальца на гортань: при звонких звуках палец ощущает дрожание гортани, а при глухих спокойное ее состояние.

шепота; при шепотной речи звонкие звуки заменяются шепотными, а глухие не меняются; так напр. в слове „*куда*“ только три последних звука звонкие и потому только они получают шепотный уклад голосовой щели, тогда как глухой согласный *к* сохраняет один и тот же уклад голосовой щели как в громкой, так и в шепотной речи.

В обыкновенной громкой речи *гласные* звуки произносятся вообще только звонко, *согласные* же бывают звонкими и глухими, при чем большею частью для каждого звонкого имеется соответствующий глухой, напр. *б*—*п*, *д*—*т* и пр. (см. приложенную табличку) и лишь согласные *м*, *н*, *р*, *л*, *j* (й) являются обычно только звонкими. Таким образом, согласные по действию гортани распределяются в пары, состоящие из звонкого звука и соответствующего глухого (*б*—*п* и пр.), т. е. эти парные звуки различаются по укладу гортани, но сходны по остальным работам. И вообще, чтобы получилась парность двух звуков, нужно, чтобы при сходстве было и какое-нибудь различие в артикуляции,—по этому различию и считается парность, напр. в рассматриваемом случае имеем парность по различию в укладе гортани. По поводу употребленных нами терминов „звонкие“ и „глухие“ звуки заметим, что эти общеупотребительные термины принадлежат точке зрения *слуховой*, с точки же зрения *анатомо-физиологической* звонкие звуки мы определим как звуки, которые произносятся при голосовой щели со сближенными и натянутыми голосовыми связками, а глухие как звуки, произносимые при раскрытой голосовой щели. В языках при соприкосновении звонкого согласного с глухим встречается явление *уподобления* (ассимиляция) одного звука другому, и притом напр. в русском языке обычно уподобляется первый согласный ко второму, т. е. уклад гортани второго звука сообщается первому (срв. произношение п р о́ п к а, хотя пишется „пробка“, или з г о́ р у при орфографическом написании „*с* гору“), а в татарском языке —

звонкие согласные		глухие согласные
б	—	п
м	—	„
в	—	ф
д	—	т
н	—	„
з	—	с
ж	—	ш
р	—	„
л	—	„
$\widehat{дз}$	—	ц
ч,[1])	—	ч
j	—	„
г	—	к
γ[1])	—	х

[1]) ч=$\widehat{дж}$; γ=*г* в слове „благо“.

наоборот—обычно происходит уподобляющее влияние предшествующего согласного на последующий (напр. а т к а Д. ед. „лошади“ при к а з г а „гусю“): направление ассимиляции в первом случае называется *регрессивным* (т. е. направляющимся назад), а во втором—*прогрессивным* (направляющимся вперед).

Примечание. В области звонкого уклада голосовой щели различают при гласных *два способа приступа голосовой щели к звучанию:* а) голосовая щель, предварительно совершенно замкнутая, сразу прорывается выдыхательным током, так что гласный получает *аттакированное* начало (термин, употребляющийся у певцов), как это имеет место при произношении гласных, начинающих слово, в немецком языке, а также в татарском (т. наз. „hamza“), в русском языке можно слышать в восклицании „эх!“, сюда же относится франц. *h* „aspiré“; б) голосовая щель, предварительно раскрытая, приступает к звучанию на переходе к сомкнутию голосовых связок, благодаря чему гласный начинается не отрывисто, а исподволь, имея таким образом *мягкое* или *тихое* начало, как это обычно наблюдается при произношении начальных гласных в словах русского языка.

III. Мягкое небо. Над гортанью простирается кверху мешковидная полость глотки, которая переходит посредством зева в полость рта, а выше в полость носа, при чем ртовая и носовая полости отделены одна от другой мягким и твердым небом. Мягкое небо является как бы привратником по отношению к носовой полости: если мягкое небо приподнято и прижато к задней стенке глотки, то выдыхательный ток воздуха не имеет доступа в носовую полость и направляется в полость рта, где и образуются звуки без носового оттенка (*неносовые* или чистые, называемые также ртовыми), звонкие или же глухие в зависимости от уклада при этом голосовой щели; если же мягкое небо опущено, то ток воздуха, обычно звучащий (т. е. при звонком укладе голосовой щели), проходит в полость носа и приобретает носовой оттенок,—звуки получаются *носовые*, называемые также рто-носовыми по причине участия при их произношении обеих полостей ртовой и носовой. В русском языке, как и в татарском, к носовым звукам принадлежат согласные *м* и *н*, все же прочие звуки—неносовые.[1]) Носовой согласный *м* соответствует ртовому *б*, а носовой *н*—ртовому *д* (в татарском языке имеется еще носовой согласный ң, соответствующий ртовому *г*). Таким образом, эти взаимно соответствующие звуки являются *парными по действию мягкого неба*, так как различаются между собою только по укладу мягкого неба (при *б*, *д*, *г* мягкое небо поднято, при *м*, *н*, ң опущено), будучи сходны в остальных артикуляционных работах. Прибавим, что термины „носовые“ и „неносовые“

[1]) Во французском языке встречаются и носовые гласные, напр. в словах *cent* „сто“ произносится с ą), *quand* „когда“ (произн. к ą), *pension* „пансион“ (произн. п ą с j ǫ) и т. п.

звуки относятся к стороне *слуховой*, с точки же зрения *анатомо-физиологической* или артикуляционной носовые звуки суть звуки, произносимые при опущенном мягком небе, а неносовыми считаются звуки, произносимые при поднятом мягком небе. В русской речи, как и в татарской, в отличие от французской, по причине весьма ограниченного числа носовых звуков значительно преобладает поднятое положение мягкого неба. Из явлений *ассимиляции* укажем на произношение в северных русских говорах о *мм*а́н вм. „обман" или с т ы *нн* о вм. „стыдно", где *б* уподобилось следующему *м*, а *д* — следующему *н*; в татарском языке направление ассимиляции обратное, т. е. прогрессивное, срв. ,ц у л *д* а н „с дороги", но т у *н* н а н „от шубы" (во втором примере начальное *д* надежного суффикса уподобилось носовому *н*, заканчивающему корень т у н).

IV. Нижняя челюсть. Опусканием нижней челюсти производится раскрытие рта, нужное в особенности для произнесения гласных звуков, обратным же движением в направлении смыкания характеризуются согласные звуки. Таким образом, с точки зрения *анатомо-физиологической* гласные звуки могут быть названы рто-раскрывателями, а согласные рто-смыкателями. Из гласных звук *а* произносится при широком раскрытии рта, *э* и *о* — при среднем, *і*, *у*, *ы* — при узком; согласные произносятся при узком растворе рта, но с преобладанием момента закрытия. В неударяемых положениях раствор рта при средне-широких гласных склонен к уменьшению по сравнению с соответствующими гласными в положении под ударением. Кроме того, как увидим далее, некоторые частные видоизменения в ширине ртового раствора могут вызываться артикуляционными движениями органов произношения.

V. Органы произношения. Органы произношения, от действия которых получают свою окончательную определенность звуки речи, распадаются на две п а р ы — *губную и язычно-небную*. Необходимость именно пары органов обусловливается тем, что для артикуляции звуков кроме активного или действующего органа требуется еще наличность другого органа, вполне или же только сравнительно более пассивного, по отношению к которому происходит артикуляция первого.

Губные артикуляции совершаются или обеими губами, или же одной нижней. С помощью обеих губ производятся согласные *п*, *б*, *м* и гласные *о* и *у*, при чем для первых губы по всей своей длине сжимаются между собою, а для вторых выпячиваются вперед образуя с'ужение приблизительно овальной формы (что называется

лабиализацией). С помощью одной нижней губы произносятся звуки *в* и *ф*, для произнесения которых нижняя губа приближается к верхним зубам, слегка касаясь их, иногда же по своей длине приближается к верхней губе (см. Прилож. 1-ое, отдел консонантизма); кроме того существуют звуки *w*, *φ*, произносимые обеими губами с округлением и представляющие дальнейшую степень губного сужения сравнительно с гласным *у*.

В *язычно-небной* паре действующим или активным органом является язык, а пассивным небо, преимущественно переднее или твердое, как совершенно неподвижное, тогда как заднее или мягкое небо способно совершать артикуляции по направлению к задней стенке глотки или же к корню языка. Язык неодинаково подвижен в своих частях, он необыкновенно подвижен в своей передней части, чем и об'ясняется большое разнообразие передне-язычных артикуляций, тогда как в своей задней части гораздо менее подвижен. Передняя часть языка может действовать относительно *верхних зубов* (при „зубных" согласных, напр. *т, н, с*) и относительно твердого неба несколько далее назад, именно у *альвеол* [1]) верхних зубов (при „альвеолярных" *ш, ж, р*). Действие задней части языка различается *более глубокое* (при гласных *о* и *у*) и *менее глубокое* (напр. при гласном *ы* и согласных *к, х*); в татарском языке имеется *к* и с глубокой задне-язычной артикуляцией (q), напр. qаз „гусь" и т. п. Что касается средней части языка, то, приподнимаясь к соответствующим частям переднего неба, она служит для образования гласных *э* и *і* и согласного j (й). Участие средней части языка кроме того может присоединяться к артикуляциям передне-язычным и заднеязычным, и тогда получаются т. наз. „мягкие" разновидности соответствующих звуков, именно—артикуляции *средне-передние* (напр. *т', н', с'*) и *средне-задние* (напр. *к', х'*). [2]) Таким образом, в зависимости от отсутствия или же присутствия работы средней части языка получаются пары „твердых" и соответствующих „мягких" звуков (напр. согласные *п* ‖ *п'*, *т* ‖ *т'* или т. п. являются парными между собою по твердости и мягкости; подобным образом в области гласных: *а* ‖ *ä*, *о* ‖ *ö*, *у* ‖ *ü*). Названия „твердый" и „мягкий" звук относятся к *слуховой* стороне и притом являются метафорическими, т. е. употребленными в переносном значении, так как звук, строго говоря, не может иметь твердости или мягкости

[1]) Альвеолы— это луночки или ячейки челюсти, вмещающие корни зубов и одетые десной.

[2]) Знак ' служит для обозначения мягкости согласных.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

в прямом смысле; с точки же зрения *анатомо-физиологической* твердые звуки будут те, которые произносятся без участия средней части языка, а мягкие—звуки, произносимые при участии средней части языка (мягкие звуки называются также *палятальными* от латинского слова palatum „твердое небо", в пределах которого лежат их артикуляции). Кроме полной мягкости согласных, столь обычной в русском языке (напр. *н* в слове н'ӓт „нет"), существует средняя мягкость согласных, нередкая в татарском языке: если в русском языке согласные получают мягкость от влияния последующего палятального гласного (напр. *н* в слова н'ӓт „нет"), то смягченность согласных в татарском языке вызывается по преимуществу влиянием предшествующего палятального гласного (напр. *к* в суффиксе -мӓк; срв. еще кӯл „озеро", где с наличностью гласного ӯ связано не только предшествующее переднее несколько смягченное *к*, но и последующее *л* средней мягкости).[1]) В татарском языке существует сверх того гармоническое уподобление суффиксальных гласных гласному корня со стороны твердости-мягкости, напр. ɥулда и „с дороги", но кӯлдӓн „из озера".

В виду некоторой сложности в вопросе о месте артикуляций язычных согласных мы попробуем отметить на рисунке неба схематически (с помощью стрелок) по крайней мере некоторые из этих мест, к которым направлены артикуляции языка при соответствующих звуках (рис. 1); вполне понятно, что облик или конфигурация языка видоизменяется при движении к разным местам неба (срв. рис. 2 и 3).

Изучая работы органов произношения (губ и языка) при производстве звуков речи, нужно обращать внимание кроме уже рассмотренных нами *мест* артикуляций еще на *способ* артикуляций, который—как упоминалось выше—находится в связи с движениями нижней челюсти. Так, мы видели, что при *гласных звуках* различаются три главных степени открытости по положению нижней челюсти: широкое раскрытие рта (при *а*), среднее (*ӓ*, *о*) и узкое (*і*, *ы*, *у*); в связи с этим и артикулирующий бугор языка при этих гласных находится соответственно в неодинаковом отстоянии от неба:

---

[1]) Помимо случаев осреднеязычения, как русский язык, так и татарский не склонны к ассимиляции согласных по месту артикуляции, т. е. напр. в группах *нт*, *нк* и т. п., состоящих из разноместных согласных, последние удерживают свои артикуляционные места. Отличается в этом отношении якутский язык, в котором напр. *ат-қа* изменилось в а*қ*қа, группа *нт—нн*, и т. п. Впрочем в русском языке и татарском можно указать на диалектическую мену между согласными альвеолярными и зубными: срв. рус. *чар'* || *цар'*, или казан.-татар. *ч* при западно-сибир. *ц*.

наиболее удаленное положение или низкое—при *а*, среднее—при *ä* (*ə*) и *о* и наиболее близкое к небу—при *i*, *ы*, *у* [1]) (при чем уклады языка при *о* и *у* соединены с одновременною лабиализацией, как это отмечено на рисунке 4-ом). [2])

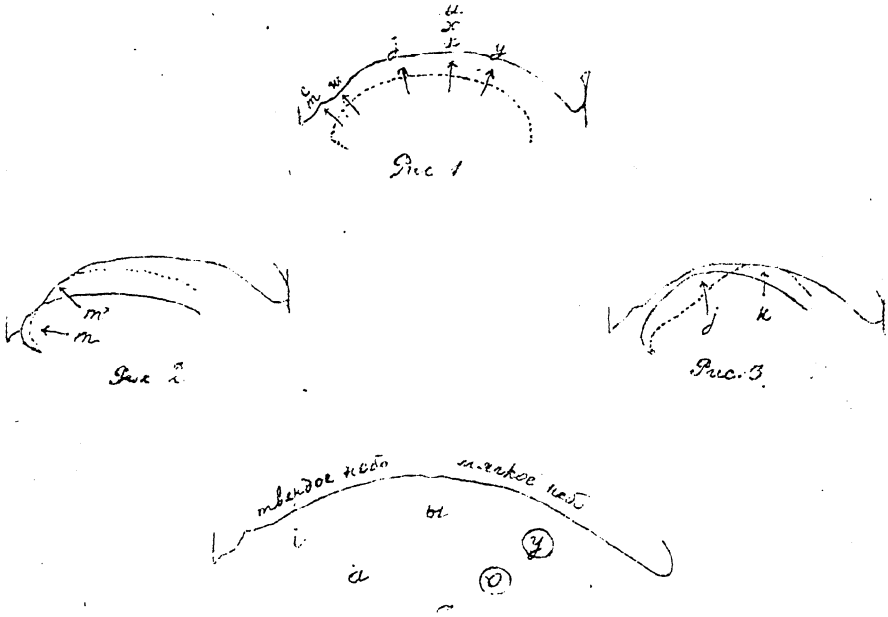


Рис. 4.

В татарском языке, различающем более краткие и более длительные гласные, система гласных сложнее, так как в нем открытость гласных варьирует в зависимости от различия их по длительности, а именно—бо̀льшая краткость связана с несколько бо̀льшей открытостью (срв. аналогичное различие в некоторых европейских языках, напр. немецком), срв. рисунок 5-ый. [3])

---

[1]) В неударяемых положениях челюстная и артикуляционная открытость гласных обычно бывает более или менее уменьшена.

[2]) На рисунке кружками обозначена лабиализованность соответствующих гласных.

[3]) На рисунке пунктиром обведена зона кратких гласных, при чем i̥ = iᵊ, ы̥ или просто ы = ыᵊ, о лежит между *о* и *ы* (ближе к *о*), ö между ö и iᵊ (ближе к ö), напр. кӯрді̥м „я видел“, алдым „я взял“, тор „стой“, кö̇н „день“: вместе с тем краткие гласные отличаются от некратких узких не только большею открытостью, но несколько и по своему артикуляционному месту на передне-заднем диаметре неба. Из рисунка не трудно усмотреть еще, что в лабилиазованном ряду в татарском языке нет звена—чистого *о*, которое отвечало бы гласному *ä* палятального ряда. Дальнейшие подробности см. ниже в Приложении 1-ом.

В противоположность гласным или рто-раскрывателям, *согласные звуки* нуждаются в полном или неполном смыкании органов произношения при одновременном приближении нижней челюсти к верхней; отсюда получается деление согласных по способу произно-

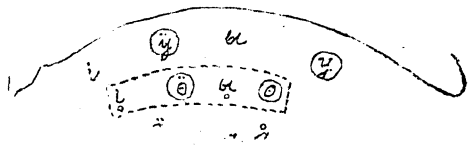


Рис. 5.

шения на две основные категории: при неполном смыкании органов произношения, когда остается щель для выхода воздуха, произносятся *придувные* или *щелинные* (напр. *ф*, *с*, *ш*, *х*), а при полном смыкании с последующим взрывом—*смычные* или *взрывные* (напр. *п*, *т*, *ч*, *к*).[1]) Придувные согласные называются также *длительными*, а взрывные—*мгновенными*, так как первые слышатся во все время прохождения выдыхательного тока чрез с'ужение, а вторые только в момент взрыва; но эта разница, устанавливаемая слухом, стушевывается при рассмотрении тех же звуков с точки зрения анатомо-физиологической, так как при взрывных согласных должен быть принят во внимание кроме момента взрыва еще и предшествующий момент смычки, во время которой при глухих взрывных слух не воспринимает никакого звука, а при звонких взрывных может восприниматься лишь звук гула. К категории взрывных согласных относятся также согласные *ц*=т͡с, *дз*, *ч*=т͡ш, *ӌ*=д͡ж, носящие название *слитных*, так как состоят из слитного произношения взрывного согласного с придувным; они причисляются к взрывным потому, что сохраняют в полности свой звук лишь в момент взрыва, а если стараться их продолжить, то получится уже не данный цельный звук, а один второй компонент. От различия по способу произношения при сходстве прочих работ получаются *парные согласные по способу артикуляции*: п || ф, б || в, ц (или т) || с, ч || ш, *дз* (или д) || з, *ӌ* || ж, к || х, г || *ɣ*. В качестве примеров

[1]) Вместо терминов „придувные" согласные и „взрывные" применяются также однозначащие латинские: первые называются *спирантами*, а вторые—*эксплозивными*; кроме того, для обозначения придувных согласных пользуются еще другим латинским термином и называют их *фрикативными* (от глагола fricare „тереть"), т. е. звуками, происходящими от шума трения при проходе воздуха сквозь щелинное отверстие.

аккоммодации согласных по способу произношения (артикуляции) укажем на русское произношение *хто* вм. *кто*, где вместо двух взрывных *к*+*т* получилось *хт*, т.е. придувной с взрывным (такое изменение называется *расподоблением* или *диссимиляцией*, так как вместо одинаковости в способе произношения соприкасающихся двух взрывных согласных получилась неодинаковость); подобным же путем возникло произношение *што* вм. *что*, и т. п. В области тюрко-татарских языков укажем на соответствие уранхайского *ш* казанско татарскому *ч* в конце корней, срв. урянх. ӱш „три“ при каз.-татар. өч, урянх. қышқыр „кричи“ при каз.-татар. қычқыр.

Особое место по способу артикуляции занимают согласные *л*, *р*, *м* и *н*. При произношении согласного *л* хотя конец языка плотно прижат к верхним зубам и их деснам, но боковые края опущены, так что фонационный ток воздуха может свободно выходить по бокам языка (иногда индивидуально только с одной стороны); таким образом этот согласный, называемый обычно *боковым*, может считаться смычно-длительным. Смычно-длительными являются также согласные *м* и *н*, при которых смычка производится губами (при *м*) или концом языка (при *н*), но тем не менее фонационный ток воздуха имеет свободный выход через носовую полость. Наконец, при произношении *р* происходит периодическое прижатие и отрывание кончика языка относительно альвеол верхних зубов, иначе говоря — дрожание, почему этот согласный называется *дрожащим*. Самое дрожание кончика языка вызывается так: задняя часть языка опирается на верхние коренные зубы и ток воздуха легко приводит в дрожание свободный конец языка (на подобие гребня у воздушного змея).

Мы рассмотрели работы отдельных частей аппарата речи при произношении; к этому нужно добавить, что все эти работы предполагают соответствующие импульсы из центров головного мозга, идущие к мышцам по нервам, и для произношения каждого звука требуется как-бы целый аккорд нервных импульсов к соответствующим частям говорильного аппарата.[1]) Теперь мы в виде итога ко

[1]) При этом мышечные работы сопровождаются *мышечным чувством* большей или меньшей определенности, указывающим на степень напряжения и направление в движении работающих при произношении мышечных групп, хотя обыкновенно мы уже не сознаем мышечных ощущений во время речи, так как произношение звуков родного языка стало для нас прочной привычкой. Но стоит попробовать произнести какой-нибудь необычный для нас иностранный звук, и мы получим при этом определенное мышечное ощущение от непривычного уклада органов произношения. Из сказанного следует, что у детей мышечное чувство от произношения еще сознается в большей или меньшей степени, а именно посредством этого чувства вырабатываются и закрепляются у детей артикуляции перенимаемых звуков.

всему изложенному дадим *таблицу классификации звуков речи*. Если в предшествующем за основание мы принимали части речевого аппарата и следили за работами каждой из них при произношении разных звуков, то здесь, т. е. при классификации звуков, мы положим в основание самые звуки речи, чтобы видеть, к каким группам одни и те же звуки принадлежат по тем или другим общим работам. Правильная классификация звуков важна для понимания фонетических изменений языка, ибо таковые совершаются не случайно, а в зависимости от артикуляционной природы звуков, в чем мы уже достаточно могли убедиться из рассмотрения явлений ассимиляции и диссимиляции звуков; вообще звуки каждого языка представляют свою особую, связную систему, об'единяемую единством говорящего аппарата (таблицу смотри на следующей странице).[1])

Отчетливое знакомство с физиологией звуков, решительно необходимое для понимания фонетических явлений языка, должно быть таково, чтобы ясно воображать себе для каждого звука всю совокупность работ говорильного аппарата в соотношении с получаемыми слуховыми впечатлениями. Рассмотрим для примера таким путем артикуляционный и слуховой состав звука *ж*: 1) со стороны *дыхательного аппарата* звук *ж*, подобно каждому другому, может быть произнесен с бо́льшим или меньшим напором выдыхательного тока воздуха, между прочим—в зависимости от положения в ударенном или же неударенном слоге, отсюда и слышимый звук получается неодинаково сильный; 2) в области *гортани* голосовая щель при *ж* с'ужена, голосовые связки натянуты и под давлением выдыхательного тока звонко вибрируют, а потому данный согласный принадлежит с слуховой стороны к категории звонких; 3) *мягкое небо* при этом приподнято и преграждает звучащему току доступ в полость носа, почему, с точки зрения слуховой, звук получается чистый или неносовой; 4) по действию *нижней челюсти* звук *ж* принадлежит к рто-смыкателям или согласным (нижняя челюсть приближена к верхней в соответствии с действием органа произношения); 5) *артикулирующим органом произношения* служит язык своею передней частью, образуя щель у альвеол верхних резцов, и следов., с точки зрения анатомо-физиологической, это будет звук

---

[1]) Для простоты мы не ввели в прилагаемую таблицу категорию мягких согласных; более полную таблицу читатель найдет в моем сочинении „Курс грамматики русского языка“ (Из унив. чтений), 1913[4], стр. 28, при чем в таблице указываются параллельно категории как анатомо-физиологические, так и слуховые.

передне-язычный альвеолярный, а с точки зрения слуховой—шипящий (в отличии от свистящего *з*); в то же время по *способу артикуляции* звук *ж*—щелинный или придувной, а по слуховому впечатлению фрикативный и по времени—длительный. Подобным образом может быть описываемо произношение каждого другого звука (напр. *д*, *в*, *к*, *о*, *м* и т. д.). Нужно однако иметь в виду, что произно-

По действию нижней челюсти	По способу произнош. / По органу произнош.		Губные		Язычные					По действию гортани	По действию мягк. неба
			Губно-губные	Губно-зубные	Передние		Средний	Задние			
					Зубные	Альвеол.		Неглуб.	Глубок.		
Рто-смыкатели (согласные)	Смычно-взрывные	Смычные	п	—	т, ц	ч	—	к	q	Глухие	Чистые
			б	—	д, дз	ʤ, ʒ	—	г	—	Звонкие	
		Полусмыч.	—	—	л	—	—	—	—		
			м	—	н	—	—	ң	—		Носовые
	Придувные	Собств. придув.	—	ф	с	ш	—	х	—	Глухие	Чистые
			—	в	з	ж	j	ɣ	ɧ	Звонкие	
		Дрожащий	—	—	—	р	—	—	—		
Рто-раскрыватели (гласные)	Узкие						і	ы	у	Звонкие	Чистые
	Средние							э	о		
	Широкие							а			

шение одного и того же звука может по говорам так или иначе вариировать в артикуляционных укладах и соответствующих нюансах, и здесь лингвисту представляется широкое поле для более тонких диалектических исследований тем более, что для тюрко-татарских

языков пока еще нет таких тонких звуко-физиологических наблюдений, какими богато арио-европейское языкознание.[1])

Когда звуки входят в состав сочетаний и слов, то произношение их, в отличие от отдельного произношения тех же звуков, становится *связным*. Чтобы понять это, нужно знать, что отдельное произношение каждого звука с точки зрения анатомо-физиологической слагается из трех моментов — экскурсии, средней части и рекурсии: во время *экскурсии*, выходя на работу, соответствующие части говорильного аппарата из своего индифферентного или спокойного положения двигаются к положению, нужному для произнесения данного звука: достигнув этого положения, они удерживаются в нем некоторое время, что составляет *средний момент*; наконец, во время *рекурсии* артикулирующие части снова переходят в индифферентное положение или рекурсируют (возвращаются с работы). Но если требуется произнести слог из согласного с следующим гласным, то в этом случае рекурсия согласного совершается не к индифферентному положению, а сливается в один общий момент с экскурсиею следующего гласного, так что все сочетание вместо шести моментов содержит только пять, при чем—как не трудно подметить—установка губ и языка для гласного подготовляется при укладе предшествующего согласного (срв. *по, ту* и т. п.); равным образом при произношении сочетания из гласного с согласным рекурсия гласного сливается в один момент с экскурсией последующего согласного.[2]) На эту связность произношения очень важно обратить внимание при обучении чтению, а именно—чтобы дети для произнесения сочетаний согласного с гласным уже при согласном подготовляли уклад для гласного; этот прием, как опирающийся на естественные условия произношения, много облегчит детям усвоение так называемого „слияния“ звуков.

В заключение мы скажем несколько слов о стороне *физико-акустической* нашего произношения, т. е. о том весьма сложном

---

[1]) Особые оттенки звуков могут быть обозначаемы в научной транскрипции или дополнительными значками (напр. ы˙ выражает, что гласный *ы* является более открытым и звучит несколько с оттенком *э* и т. п.), или же цельными буквами (срв. выше условные начертания o, ɨ и проч.); вопрос о способе обозначения звуковых нюансов составляет предмет *научной транскрипции*, придерживающейся в общем начертаний русского или же латинского алфавита с некоторыми дополнительными буквами или же значками.

[2]) Со стороны *слуховой*, в сочетаниях гласного с предшествующим и следующим согласным наше ухо способно улавливать звук не только средней части гласного, представляющий наибольшую определенность, но и „переходные“ оттенки экскурсии и рекурсии.

колебании воздуха, которое, вызываясь действием органов произношения, приводит в соответствующее колебание барабанную перепонку уха, чем в свою очередь возбуждается слуховой нерв. Не следует думать, что при этом частицы воздуха летят от произносящего к слушающему; в действительности колебания передаются от частицы и частице, все дальше и дальше во все стороны. при чем самые частицы совершают лишь небольшие колебания на своих местах. Следовательно, мы воспринимаем звуки говорящего не непосредственно от его органов произношения, а уже от колеблющихся частиц воздуха, прилегающих к барабанной перепонке уха, и лишь относим получаемые впечатления к говорящему, как источнику их. Чтобы колебания воздушных частиц могли возбудить ощущение звука, они должны быть достаточно часты и сливаться, так чтобы у слушающего впечатление от следующего колебания получалось, когда еще не успело исчезнуть в мозгу впечатление предшествующего колебания. Колебания (вибрации) частиц воздуха различаются правильные или периодические — при музыкальных *тонах* и неправильные — при *шумах*; первые получаются напр. при звучании *гласных*, а вторые при шумах всех согласных, при чем в *звонких согласных* шумы соединяются с звучанием или голосовым тоном гортани, так что получаются тоношумы, тогда как *глухие согласные* содержат только шумы от органов произношения.

В музыкальных тонах, к которым среди речевых звуков относятся гласные звуки и звонкие согласные, различается *высота* тона и *сила* тона. Высота тона зависит от частоты колебаний воздушных частиц, а сила — от размаха или амплитуды колебаний. Чем чаще совершаются колебания, тем выше тон, и наоборот, уменьшение частоты колебаний ведет к понижению тона; при этом высота тона расчитывается по числу колебаний в секунду. Так, напр., при тоне

до происходит 256 колебаний в секунду, а соответствующий тон октавой выше содержит вдвое большее число вибраций, т. е. $256 \times 2 = 512$, промежуточные же тоны и полутоны занимают и промежуточное положение по числу колебаний в секунду. Таким образом, если тянуть напр. гласный *а*, начавши высоким тоном и постепенно понижая, то с точки зрения физико-акустической это значит, что частота колебаний постепенно уменьшается. Если вместо нисходящего движения тона имеем, наоборот, восходящее, то это показывает, что частота колебаний возрастает. Тот же гласный

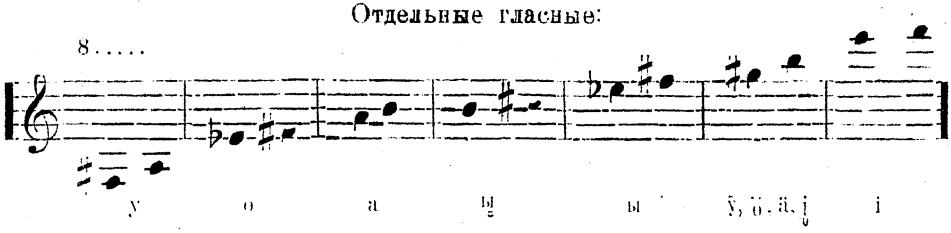
а мы можем протянуть, не меняя высоты тона (т. е. при одной и той же частоте колебаний), но изменяя силу звука: если мы будем усиливать звук, то с точки зрения физико-акустической это будет значить, что амплитуда или размах колебаний частиц воздуха увеличивается, и наоборот — при ослаблении звука амплитуда уменьшается. В словах нашей речи ударяемые гласные произносятся сильнее и выше по сравнению с неударенными; это значит, что при гласных с ударением голосовые связки колеблются с бо́льшим размахом и чаще, нежели при неударенных, чем обусловливается соответствующая разница и в колебаниях частиц воздуха.

Однако при одной и той же высоте тона и одной и той же силе мы можем произнести разные гласные, откуда следует, что разное качество гласных не зависит ни от высоты, ни от силы голосового тона. Разное качество гласных зависит оттого, что к голосовому тону гортани присоединяется *резонанс* (*резонансовые тоны*) *полости рта*, принимающей разные размеры и форму при разных гласных, почему и резонансовые тоны меняются; при этом у каждого гласнаго своя определенная резонансовая высота тона. Соединение голосового тона гортани с ртовым резонансовым тоном определенной высоты и создает тот или другой гласный звук определенного качества. Если гласные разных языков представляют известные отличия по нюансу, то это обусловливается отличием ртового резонансового тона (в зависимости от особенностей в артикуляционном укладе рта). Так, напр., ртовый резонансовый тон гласного *а* в татарском языке оказывается несколько ниже сравнительно с русским и потому самый гласный не вполне одинаков по своему оттенку в том и другом языке. [1])

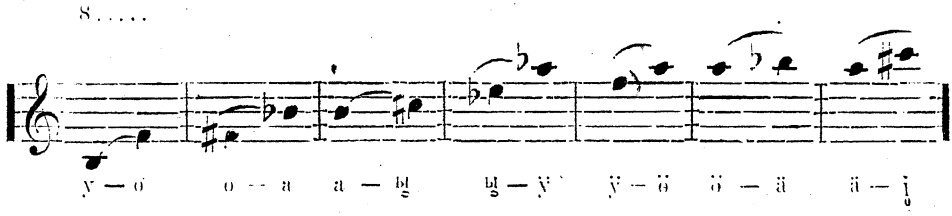
Примечание. М. И. Берг, состоявшая ассистентом при университетском кабинете экспериментальной фонетики в Казани, исследовала резонансовые тоны полости рта для татарских гласных, по методу „воздушной струи“,[1]) в произношении Дж. Ш. Шарафа и получила следующие результаты, представляемые далее в нотной транскрипции (первая нотная строчка с вариантами для гласных в отдельности была получена в самом начале, когда испытуемый не навык еще придавать органам произношения уклад однообразный и естественный; двойные ноты этой и пятой строки, т. е. для гласных в отдельности и в звукосочетании, обозначают именно варианты высоты резонансового тона; как видно из обозначения, всѣ ноты следует читать октавою выше):

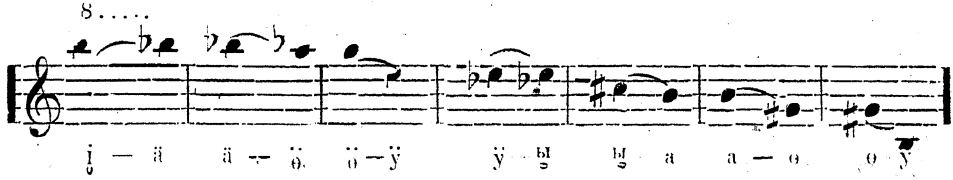
[1]) Из разных способов определения собственного или резонансового тона полости рта при разных гласных наиболее доступным и вместе с тем вполне точным является метод воздушной струи: мимо отверстия рта при том или другом артикуляционном укладе посылается особым аппаратом (или попро́сту резиновым балоном с наконечником) достаточно сильная и узкая воздушная струя, вызывающая в полости рта явственно слышное звучание соответствующего гласного определенной высоты, которая и является резонансовым тоном данного гласного.

Отдельные гласные:

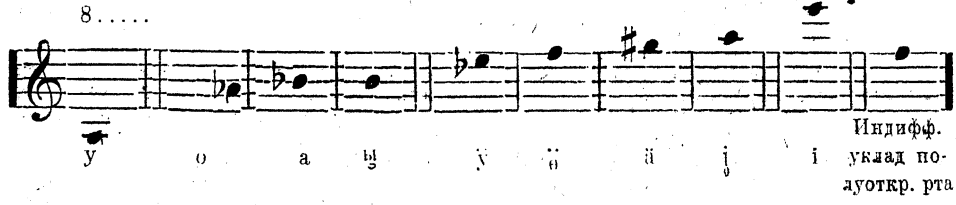


Гласные по парно:

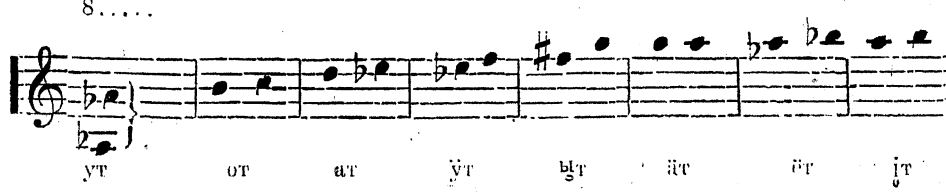




Отдельные гласные:

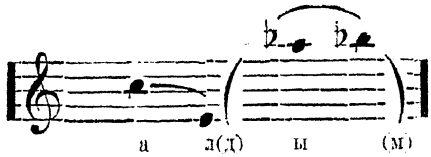


Гласные в сочетании с последующим *т*:



Слово:

8.....



Представленные данные привели г-жу Берг к следующим выводам:

1) Татарские гласные в отдельном произношении удобно делятся по своему резонансовому тону на четыре группы: a) очень низкий тон (у); b) средне-низкий (ө, а, ы); c) средне-высокий (при смягченных гласных ӳ, ӧ, ӓ, i̯); d) самый высокий (i);

2) В гласных, произносимых по-парно, заметна тенденция к взаимному уподоблению как в восходящем ряде, так и в нисходящем;

3 В сочетаниях гласных с согласным *т* резонансовый тон низких и средне-низких гласных повышается сравнительно с гласными в отдельном произношении, остальные же гласные почти не изменены.

К гласным звукам по физико-акустическим свойствам из согласных ближе всего подходят плавные (*л*, *р*) и носовые (*м*, *н*), об'единяющиеся с гласными в общую категорию *сонорных* звуков, т.е. наиболее звучных, в противоположность другим согласным, как звонким, так и глухим, у которых наиболее характерным является шум, почему они и называются *шумными*.

Примечание. Наше изложение физиологии произношения как отдельных элементов, так и сложных целых, было бы однако не полным, если бы мы не указали еще на новые способы изучения речи, начавшиеся во второй половине прошлого столетия и уже подарившие науке много ценных данных. Мы говорим о так называемой *Экспериментальной фонетике*, которая, дополняя наши непосредственные наблюдения над произношением объективными приемами исследования с помощью приборов, тем самым значительно углубляет и расширяет наши сведения по звуковой физиологии. Так, данная дисциплина пользуется *пневмографом*, регистрирующим фонационную работу дыхательного аппарата, *гортанною капсулою* для регистрации гортанных вибраций при голосовом тоне, *носовою*—для регистрации движений мягкого неба, *губным* прибором—для исследования работы губ, и проч.; кроме того она располагает целым рядом разнообразных *акустических приборов*. Образцы применения экспериментальной фонетики к изучению татарского произношения мы дадим во второй части настоящего труда, ограничившись здесь лишь вышеприведенными данными о ртовых резонансовых тонах татарских гласных.

III. Психологические основы речи.

Слова нашей речи представляют сторону звуковую и смысловую. Но не только смысл или значение слов имеет психологическую природу, но также и произношение или звуковая сторона речи содержит в себе психологический момент. В самом деле, когда мы произносим ряд звуков, составляющий слово, из головного мозга идет

ряд импульсов, под влиянием которого происходит последовательное сокращение соответствующих мышечных групп говорильного аппарата, сопровождающееся рядом мышечных ощущений, с которым ассоциируется (связывается) в головном мозгу ряд слуховых ощущений (слуховой образ слова); в то же время звуковой ряд слова связан или ассоциирован в нашем уме с соответствующим представлением или понятием.

С отдельными звуками в слове не связывается какого-либо значения; значение принадлежит целому слову и его *знаменательным* (имеющим значение) или *морфологическим* частям, называемым для краткости также морфемами, каковыми являются *префикс*, *корень*, *суффикс*, *основа* и *окончание*. Так напр. в слове „набрасывал" часть *брас*—главная, корень, выражающая идею известного действия; к этой части, сосредоточивающей в себе главное значение слова, присоединяются придаточные морфологические части, дополняющие главное значение: часть *на-*, предшествующая корню или префикс, выражает направление действия; часть *-ыв-*, стоящая между корнем и окончанием, или суффикс, указывает на характер действия (многократность) и, наконец, *-ал*—окончание 3-его лица, ед. ч., прош. времени; совокупность же морфологических частей, предшествующих окончанию (в нашем примере *на+брас+ыв-*), называется основою или темою слова. В том случае, когда корень слова не распространен ни префиксом, ни суффиксом, основа в слове совпадает с корнем, напр. *вед-у*, *сад-ом*. Татарский язык, как и вообще тюркские языки, совершенно не развил категории префиксов, а потому в нем каждое слово начинается всегда корнем, а из придаточных морфем имеются только суффиксы и окончания. Так, в слове кiлiштiрiлдiлäр „они были приведены к соглашению" начальная часть кil-„приходить" представляет корень, а далее следуют суффиксы -iш-, -тiр- и -iл-, из которых первый сообщает значение взаимности (кiлiш- „сходиться, соглашаться"), второй—заставительности (кiлiштiр- „заставить согласиться, привести к соглашению") и третий—страдательности (кiлiштiрiл „быть приведену к соглашению"); за этою совокупностью морфем, образующих основу, следует сложное окончание 3 л. мн. ч. прош. вр. -дiлäр, где -дi- признак прош. вр., а -лäр служит для обозначения 3 л. мн. ч. В слове кil-дiлäр „они пришли" то же окончание -дiлäр присоединено уже непосредственно к корню кil- и, следов., тут корень и основа совпадают. Корень, распространяясь суффиксами, дает начало целому ряду основ (срв. выше глагольные основы

кіl-, кіlʒш-, кіlʒштʒр-, кіlʒштʒрʒl-), из которых каждая чрез присоединение меняющихся окончаний образует так называемую флексию слова (под флексией разумеется в глаголах спряжение, а в именах склонение). Вообще основа, будет-ли она равна просто корню, или корню, распространенному одним или более суффиксами, составляет, так сказать, *материальную* часть слова, так как с нею связывается собственное значение слова, а окончания составляют *формальную* часть, так как показывают отношения слов в предложении, играя таким образом синтаксическую роль (срв. фразу „я нес*у* на коромысл*е* в ведр*ах* вод*у* с реки*“*, где мы видим, что слова составили данное предложение с помощью своих определенных окончаний).[1]) Сказанное о морфологических частях слова можно иллюстрировать следующею формулой:

(Преф.) + Кор. + Сф. + Ок.

Отдел *материальный* в слове или основа.

Элеменент *формальный* в слове или окончание.

Таким образом в морфологии нужно различать *словопроизводство*, т. е. образование новых собственных значений и вместе с тем соответствующих основ с помощью суффиксов (и префиксов), и *словоизменение* или *флексию*, т. е. присоединение к основе сменяющихся падежных или же глагольных окончаний. В области окончаний нужно проводить разницу между *глагольными и падежными окончаниями*, состоящую в том, что личные окончания глагола синтаксически представляют бо́льшую смысловую самостоятельность и определенность по сравнению с падежными окончаниями существительных; причина этой разницы заключается в том, что личная форма глагола имеет смысл предложения, тогда как отдельная падежная форма существительного (за исключением именит., когда он употреблен для названия указываемого предмета, а в ответах и других падежей) не может принимать смысла предложения. Что касается *суффиксов*, то их значение двояко: а) основное значение слова остается то же, измененяется только оттенок, как напр. в уменьшительных существительных, напр. рус. дядя<дяд*е*н*ь*к*а*,[2])

[1]) Та же фраза по-татарски: „мін ʻ,ыlʒадан кӱjäнтä-бʒlän чiläкlärдä су кітʒрäм“ (здесь порядок слов другой, чем в русском, так как глагол стоит в конце фразы, а все дополнения помещены перед глаголом вслед за личным местоимением; дословно будет: „я с реки на коромысле в ведрах воду несу“).

[2]) Знак<служит для обозначения словопроизводства: от сущ. „дядя“ образуется уменьш. „дяденька“.

тат. а б ы з<а б з *ы к а й*, или в вышеприведенных татарских глаголах (к i l- <к i l j *ш-* и пр)., б) получается новое семазиологическое представление, хотя и стоящее в некотором соотношении к тому представлению, которое принадлежит производящему слову, напр. рус. о х о т а<о х о т *н и к*, татар. с у н а р<с у н а р *ч ы* (вторые существительные, т. е. „охотник“ и „сунарчы“, обозначают уже совсем другой предмет—человека, занимающегося охотой). Мы видим здесь, что производство слов с новым собственным значением при посредстве суффиксов указывает на замечательную *экономию духовных сил*, какая обнаруживается в языке при нахождении словесных символов для обозначения новых идей, так как прибавка соответствующего суффикса избавляет от труда создавания совсем новых слов. Имея ограниченный ряд корней и придаточных элементов, говорящий получает возможность путем сочетания их выражать всю массу представлений.

Морфологические части слов не простой домысел грамматик, но они *действительно существуют в уме говорящих*. Это доказывают случаи заимствованных слов, принимающих суффиксы, свойственные языку заимствующему. Срв. напр. в русском языке заимствованное слово „групп-а“, в склонении которого присоединяются свои природные окончания, или в народном татарском языке заимствованное из русского слово б у р („вор“), получающее падежные признаки, свойственные татарскому языку, напр. б у р *н ы* н (Р.ед.). Подобным образом вновь создающиеся слова также пользуются морфологическими частями, имеющимися в языке. Это появление морфем в новых условиях, именно—в заимствуемых словах или же вновь создаваемых, доказывает действительное существование этих морфологических частей в уме говорящих, при чем обнаруживается и то, что именно чувствуется в языке известною морфологическою частью.

Убедившись в действительном существовании морфологических частей, попробуем об'яснить *психологически* самый путь, ведущий к разложению слов на морфемы в нашем уме. Предположим, мы слышим падежную форму какого-нибудь слова Мы воспринимаем при этом своим слухом ассоциацию звуков по смежности, т. е. как они следуют один за другим при произнесении данного слова. Когда мы слышим другую падежную форму того же слова, то мы опять воспримем ассоциацию звуков в их последовательности. Эта новая ассоциация сходною частью ассоциируется с первою ассоциациею, благодаря чему эта общая у них часть выделяется и усиливается. Слыша новую падежную форму того же слова, мы опять

воспринимаем ассоциацию звуков по их смежности, и часть этой ассоциации, совпадая со сходною частью первых двух ассоциаций, усиливает ее и т. д. Описанный процесс мы можем представить табеллярно на следующих примерах русском и татарском:

сад—а	ат—ның
сад—у	ат—тан
сад—ом	ат—ға
.....	.....

Таким именно способом выделяется *основа* в слове, соединяющаяся с разными окончаниями. Здесь следует обратить внимание на то, что с каждою падежною формою ассоциируется соответствующее значение, слагающееся из идеи предмета, усложненной падежным оттенком значения. Следовательно, при произношении разных падежей одного и того же слова повторяется идея одного и того же предмета, усложняющаяся разными падежными оттенками.

Когда же мы слышим одну и ту же падежную форму разных слов, одинаково сконяющихся, то чрез это выделяется и усиливается падежное *окончание*, соединяющееся с разными основами:[1])

стол—а	ат—ның
двор—а	каз—ның
кол—а	тун—ның
.....	.....

Подобным же образом мы можем представить себе возникновение в нашем уме и категории суффиксов, входящих в образование основы:

печ—ник	аjаq—лы
сапож—ник	аqыл—лы
башмач—ник	баш—лы
.....	.....

[1]) Укажем значение примеров, взятых из татарского языка: а т „лошадь“, қ а з „гусь“, ‘т у н „шуба“. ‘а j а қ „нога“, а қ ы л „ум“, б а ш „голова“; -н ы Н, окончание Род. падежа, - т а н—Исходного, - қа—Дат.; -л ы суфф. прилагательных, выражающий обладание тем предметом, от названия которого происходит прилагательное, напр. аjаклы „обладающий ногами“ и т. п.

Путем аналогичного процесса слова собираются в нашем уме в группы по *частям речи* (существительные, прилагательные, глаголы и проч.) с их системами склонений и спряжений, а *предложения*— в те или другие их типы, напр. повествовательные, вопросительные, восклицательные, и т. д. Вообще, в нашем уме каждая новая речь ассоциируется с прежде произнесенным или слышанным общими элементами, при чем кроме указанных происходит множество других ассоциаций, напр. порядка слов в предложении, конструкций, звуковых оттенков, служащих для выразительности, и проч.[1])

Указанный процесс усвоения речи начинается с раннего детства, при чем мало по малу дитя привыкает к речи настолько, что она получает характер *автоматичности*, так что достаточно появиться в уме мысли, как она будто сама собою выражается. В этом процессе перехода речи в бессознательную деятельность нельзя не видеть проявляемого природою принципа *экономии*, ибо самое говоренье уже не отвлекает слишком внимание при той или иной деятельности.

Но при нашем говоренье кроме ассоциаций смежности и сходства непременно участвует еще *творческий момент* или творческая ассоциация, состоящая в том, что ум из элементов прежнего опыта образует новые комбинации. Мы не изучали, напр., с детства всех форм от каждого слова (имени или глагола), а между тем легко образуем их во время самого говоренья по образцу или аналогии к имеющимся типам. Однако надо заметить, что могут быть при этом и ошибочные образования, которые могут даже укрепиться в языке (что случается в народных говорах чаще сравнительно с литературным языком), если только окажутся хорошо приспособленными к его строю. Так, в русском языке срв. народное „пекёш“ вм. „печёш“, при чем самый процесс возникновения такого рода новообразований можно представлять себе в виде пропорции:

несу : несёш=пеку : X
X=пекёш.

Такие новообразования называются образованиями по *аналогии*. Взятый пример показывает, что образования по аналогии ведут к уподоблению морфологических систем (так, во взятом примере спряжения „пеку“ вместо чередования *к* || *ч* проводится путем ана-

[1]) На ряду с этим в уме ассоциируются представления от *реального* мира по тем или другим сходствам и таким образом они соединяются в разнообразные и многочисленные реальные группы, как напр. группы животных, растений и т. п. Это так или иначе относится к основам или материальной части слов.

логии через все лица настоящего времени одинаковый согласный, именно *к*) и, следовательно, служат к удобству памяти и вообще к *экономии* духовных сил.

Тюркские языки, в зависимости от господствующего в них прогрессивного направления в явлениях ассимиляции, представляют наиболее благоприятные условия для изменчивости в морфемах начального согласного. Так, напр., в корнях, начинающихся с палятального согласного *к*, этот последний в скорой разговорной речи легко изменяется в *г* после сонорных звуков, оканчивающих предшествующее слово, вследствие чего получаются разновидности одного и того же корня с начальным *к* и *г*: отсюда в турецком языке в таких корнях вместо начального *к* путем аналогии распространилась разновидность с начальным *г*, которая поэтому является и в независимом положении, т. е. при произнесении данного слова в начале фразы или же в отдельности (стало быть вообще — „в абсолютном начале слова"), напр. турецк. *г* й l- „приходить" при казан. *к* i l-, турец. *г* ӱ ч „сила" при казан. *к* ө ч и т. п. Конечно, возможны и обратные случаи, т. е. вместо звонкого начального согласного утверждается в абсолютном начале слов соответствующий глухой, как напр. начальное *п* вм. *б* в алтайском. срв. алтайское *п* а ш „голова" при казан. *б* а ш и проч.

Примечание. Вообще, действием аналогии можно объяснить целый ряд явлений как в корневых морфемах, так и в формальных, напр.:

1) в турецком при П. ед. указательного местоимения *бу* „этот" косвенные падежи вместо начального *м* получили *б* по аналогии к падежу наименования: Род. ед. *б* у н у н, (вм. *м*унун), Д. ед. *б* у н а и пр.

2) в личном местоимении 1-го лица ед. ч. в турецком и других наречиях южной группы вместо *м*ӓн „я" явилось *б*ӓн по аналогии к *б*i з „мы", т. е. к местоимению того же лица мн. ч., в соответствии со вторым лицом, т. е. *с*ӓн „ты" и *с* i з „вы", где форма ед. и мн. числа начинается одинаковым согласным: этот процесс можно представить в виде пропорции:

*с*i з (2 мн.) : *с*ӓн (2 ед.) = *б*i з (1 мн.) : *х*
х = *б*ӓн (1 ед.).

3) в настоящем времени глаголов у китайских татар и сартов глагольное окончание 1 мн. -*м* i з вм. -*б* i з возникло по аналогии к окончанию соответствующего лица ед. числа:

-*с*ӓн (2 ед.) : -*с* i з (2 мн.) = -*м*ӓн (1 ед.) : *х*
х = -*м* i з (1 мн.). [1])

Нужно однако оговориться, что объяснение морфологическое аналогией требует осторожности, так как не всегда является единственно возможным: некоторые случаи допускают не менее возможное фонетическое толкование. Так, напр., в форме местоимения 1-го лица *м*ӓн начальное *м* могло заменить собою *б* под фонетическим влиянием конечного носового *н*, а в таком случае

[1]) Нечто подобное представляют средне-сибирские и средне-азиатские диалекты.

в начальном *б* южных языков можно видеть сохранение первичного согласного, или же восстановление первичного звука на место вторичного *м*. Подобным образом и в форме указательного местоимения *мунун*, начальное *м* может предполагаться не первичным, а происшедшим из *б*; и вообще, далеко не всегда имеются решительные данные для предпочтения того или другого из этих объяснений—фонетического или же морфологического.

Особый тип аналогии наблюдается в числительных. В зависимости от того, что имена числительные представляют ряд чисел с постоянной последовательностью, в них легко проявляется действие аналогии между названиями смежных числительных. Так, напр., в русском языке в числительном „*д*евять" начальное *д* явилось вместо *н* (срв. латин. *novem*) по аналогии к числительному „*д*есять". В татарском языке не трудно заметить одинаковость конечных звуков у некоторых смежных числительных: срв.: *алты* „шесть" и *ҷиді* (башкир. *jiti*) „семь", *сигіз* „восемь" и *тоҕыз* „девять", а также в названиях соответствующих десятков—*алтмыш* „шестьдесят" и *ҷитмиш* „семьдесят", *сикән* „восемьдесят" и *тоҕсан* „девяносто".

На ряду с фонетическими изменениями (ассимиляцией и диссимиляцией) морфологическая аналогия является другим важным фактором развития языка. Но как при фонетических изменениях, так и при морфологической аналогии смысловая сторона слов сохраняется. Теперь мы обратимся к рассмотрению изменения в словах стороны *семазиологической* или *смысловой*. Мы знаем, что слова, имея целостное значение, в то же время разлагаются на знаменательные или морфологические части. Так как в нашей речи целостное или реальное значение имеет более существенное значение, то это ведет к тому, что некоторые слова уже перестали разлагаться на свои морфологические части и чувствуются лишь в целостном значении. Так, напр., в русском языке при слове „подушка" мы уже не думаем о ней, как о предмете, кладущемся непременно *под ухо*, а вообще как о предмете, служащем для изголовья. Этот нередкий процесс вытеснения целостным значением значения по составным частям называется *опрощением*. Для тюркских языков срв. в алтайском наречии название тюрьмы т а ш - т у р а, собственно—„каменный дом", хотя тюрьма может быть и не каменной.[1]) Вместе с тем слова, переставшие чувствоваться в своем морфологическом составе, уже не могут воссоздаваться путем творчества по своим морфологическим частям (не „продуцируются", т. е. не „произво-

[1]) Срв. еще в татарском: а ҷ-қ о ш „лебедь" (по отдельности а ҷ=белый, қ о ш=птица); қ а р а-қ о ш „орел" (қ а р а=черный); выражение қ а р а-а ҷ қ о ш „черный лебедь" подтверждает наличность опрощения в слове а ҷ қ о ш, ставшим уже простым названием определенной птицы.

дятся вновь"), а воспроизводятся по памяти („репродуцируются") целиком. Процесс опрощения, подобно процессу аналогии, также представляет *экономию* и важность для мысли: если бы рядом с целостным или реальным значением слова в нашем уме всякий раз являлось и генетическое по морфологическому составу, то это служило бы чрезмерным тормазом мышления. Прибавим, что значение слов можем изменяться в ходе времени не только путем опрощения, но также и путем *„семазиологической"* (смысловой) *аналогии*, когда напр. название с представления из мира физического переносится на сходный предмет из мира отвлеченного или духовного (напр. баш значит не только „голова", но также „начало", „начальство"), или когда название частного представления получает более широкое применение (напр. ташла- „бросать" первоначально имело более узкое значение—„бросать камни").

Нужно еще упомянуть о факторе *народной этимологии*, когда слово с неясным морфологическим составом, обычно заимствованное, видоизменяется в народном языке в угоду похожего по звукам, морфологически-понятного слова; срв. в одной русской песне непонятное „Паскевич" замено через Башкевич, или в татарском языке „Ыстамбул" (название Константинополя) можно встретить в виде Ісламбул и т. п.

Примеч-ние. Заметим, что для более полного понимания психо-физиологической природы языка не лишне знакомство с речевыми центрами в коре большого мозга, которые изучались на основании болезненных расстройств речи; об этом см. в курсах общего языковедения Томсона и Богородицкого.

IV. Семейства и типы языков.

Лингвистика делит все языки земного шара на некоторое число *семейств* (еще вполне не установленное), напр. арио-европейское, урало-алтайское и т. д., при чем каждое такое семейство образуется из языков родственных по корням и формам, тогда как между разными семействами такого языкового родства наука, по крайней мере пока, не обнаружила. Распределение человеческих языков по семействам составляет предмет *генетической классификации* языков, опирающейся на признании родства или же отсутствия его. Но если сравнивать не сходство корней и форм, а аналогичность строения или структуры слов и предложений, то в результате будем иметь *классификацию структурную* или *морфологическую*, при чем все разнообразие семейств можно подвести под сравнительно ограниченное число типов, из которых более известны следующие четыре: 1) корневой, 2) агглютинирующий, 3) воплощающий и 4) флексий-

ный, различающиеся между собою способом выражать в предложении формально-грамматические отношения между отдельными понятиями. В *корневом* типе (куда относится напр. китайский язык), понятия обозначаются отдельными корнями, а отношения между ними в предложении, т. е. формальные оттенки, выражаются местом слов в предложении. В *агглютинирующем*, т.е. в переводе — „приклеивающем", типе (к которому принадлежат между прочим тюрко-татарские языки) для выражения формальных оттенков мысли уже существуют особые морфологические элементы, которые присоединяются к корням в известном порядке и являются настолько постоянными и определенными, что ясно отграничиваются как друг от друга, так и от корня. *Воплощающие* языки (напр. мексиканский и другие американские) как бы воплощают целое предложение в одном слове: принимая глагол за средоточие предложения, они вносят в него другие слова, но не в обычном их виде, а в виде корней. В *флексийном* типе (к которому относятся напр. русский язык и другие родственные с ним) формальные элементы вообще тесно сливаются с основою. Впрочем все эти типы не представляют непереходимой границы между собою, но — как увидим далее — характерные явления одних типов могут встретиться как частные в других типах.

Представим теперь перечень наиболее известных семейств с указанием характерных признаков строения некоторых из них.

1. *Китайский* язык. Китайскому языку свойственны *корни-слова*, не распространенные вовсе суффиксами, почему его и характеризуют как корневой. *Формальные оттенки* выражаются или местом слова в предложении, т.е. синтаксически, или же при помощи особых формальных словечек—служебных корней. Так, подлежащее обнаруживается само собою тем, что начинает предложение; прямое дополнение стоит непосредственно за словом, выражающим действие; Родит. падеж обозначается постановкой слова перед тем словом, которое определяется: *тянь* тсе=сын *неба*, но говорят также тянь-*ти*-тсе. Случаи аналогичного различения подлежащего и прямого дополнения, т.е. по месту в предложении, встречаются и в арио-европейских языках, напр. во франц.: Émile craint Auguste || Auguste craint Émile. Независимо от только-что указанного видоизменения смысла слов соответственно занимаемому месту в предложении, в китайском языке одни и те же по звукам корни нередко имеют самые разнообразные значения; но в этом случае различные смыслы обыкновенно соединяются с различием *интонации* (вида ударения), а потому следует говорить о значениях не одного и того же корня, а

разных. В китайском различается до пяти видов интонации: кроме восходящего и нисходящего тона может быть еще ровный тон верхний и нижний и, наконец, краткий или обрывистый; напр. *ма* с восходящим тоном означает „лошадь", с нисходящим—„ругать", с верхним ровным—„мать, старуха," с нижним ровным—„конопля". Различие значений при различии интонаций встречается и в арио-европейских языках, именно в тех, в которых существуют различные виды ударения, как напр. в литовском: срв. литов. áušti „стынуть" || aũšti „светать". Для выделения значения в созвучных словах китайский язык кроме интонации пользуется еще *сложением корней*, состоящим в том, что соединяются два слова, являющиеся в одном из своих значений синонимами: напр. *тао-лю* значит „дорога", так как в этом только значении совпадают оба слова (срв. в русском выражение „путь-дорога"). В географическом соседстве с китайским и также подобно ему корневыми являются языки *аннамский*, *сиамский*, *бирманский* и *тибетский*; однако попытки раскрыть родство между ними пока не увенчались достаточным успехом, в особенности по отношению к тибетскому.

II. Семейство *урало-алтайских* (туранских) языков, названное так по своей предполагаемой прародине, широко раскинулось, заняв всю северную половину Азии и значительную часть восточной Европы. К этому семейству относят следующие группы языков, родство между которыми однакож не может считаться достаточно установленным: *тюрко-татарская* или *тюркская* (с языками турецким, татарским, киргизским и др.),[1]) *финская* (с языками финским, эстонским, мордовским, черемисским, мадьярским и др.), *монгольская* (куда относятся языки собств. монгольский, бурятский и калмыцкий), *манджурско-тунгусская* и *самоедская*. Главным признаком языков этого семейства является *агглютинация* („приклеивание"), состоящая в том, что присоединяющиеся к корню суффиксы, нередко в значительном количестве, сохраняют свою отдельность и обособленность, благодаря чему в этих языках нет такого

[1]) Многочисленные тюрко-татарские диалекты могут быть расположены в следующие главные отделы по направлению от востока к западу: 1) *якутский* язык, 2) *средне-сибирские* диалекты (карагасский, урянхайский, абаканские и алтайские), 3) *западно-сибирские* (барабинский, тобольский и др.), 4) *поволжско-приуральские* (татарский, башкирский и нек. др.) с древним языком—половецким. 5) *средне-азиатские* (диалекты китайских татар и сартов, кара-киргизов, казак-киргизов и др.) с древним джагатайским языком, 6) *южные* (турецкий, адербейджанский и нек. др.) с древним языком сельджукским; кроме того, к тюркской семье относится 7) *чувашский* язык, происхождение которого впрочем еще недостаточно разъяснено. Самым древним памятником являются надписи на прибрежных скалах Енисея и Орхона (VIII в.), а древнейшею тюркскою книгою—Кудатку-билик (XI в.). Подробный обзор тюрко-татарских диалектов будет дан нами во второй части настоящего труда.

плотного единства слова, как в языках арио-европейских. Эта отчетливость придаточных морфологических элементов находится в связи с тем, что один и тот же оттенок значения выражается одним и тем же суффиксом, между тем как во флексии арио-европейской мы встречаем разнообразие обозначений для одного и того же оттенка значения (срв. напр. в русском различные окончания Род. ед. —сто*а*, рыб*ы*, кост*и*), хотя впрочем сравнительная грамматика показывает, что и арио-европейское семейство в своем исходном или праязыковом состоянии проходило стадию простоты флексийной. Пример из татарского языка: ч а т à „сапог", ч а т а - д à „в сапоге," ч а т а - л à р „сапоги", ч а т а - л а р - д à „в сапогах": точно так же образуются соответствующие формы и от всякого другого существительного, при чем вариации флексии получаются лишь вследствие фонетических причин—гармонии гласных и ассимиляции согласных. При сравнительно слабой спаянности, сочетание корня с суффиксами и флексией в тюркских языках об'единяется в одно целое не только ударением, как в арио-европейских языках, но еще так называемою *гармониею гласных*. Явление это состоит в том, что гласным корня определяется характер последующих гласных в том же слове. Если напр. в корне твердый гласный, то и следующие гласные того же слова будут твердые, а если мягкий, то и последующие гласные мягкие, срв. к ӱ l „озеро", к ӱ l - д ä „в озере", к ӱ l - l ä р „озёра", к ӱ l - l ä р - д ä „в озерах", где в суффиксах вместо *а* стоит уже *ä*, благодаря присутствию в корне мягкого гласного (ӱ). Что касается ассимиляции согласных, то в тюркских языках преобладает *прогрессивное направление*, т. е. как и гармония гласных, срв. а т - т а „у лошади", где после глухого согласного, заканчивающего корень, окончание является в виде -т а вм. -д а. Так как урало-алтайские языки не развили типа префиксов и предлогов, то их оттенки значения они выражают посредством присоединения к корню соответствующих суффиксов и послелогов. Отметим далее отсутствие *грамматического рода* в существительных, т. е. как это свойственно значительному большинству языковых семейств, за исключением хамитского, семитского и арио-европейского, да и то в последнем некоторые из современных языков, как напр. английский, уже утратили родовые различия. Аналогия идет дальше: как в тюркских языках, так и в английском, *прилагательное* при существительном не склоняется, с тою впрочем разницею, что в английском это явление (как и отсутствие родовой категории в существительных) вторичное, заменившее прежнюю способность прилагательных к флексии. В отношении

синтаксическом в тюркских языках обращает на себя внимание другой порядок слов в предложении, нежели в языках арио-европейских, состоящий в том, что управляющее слово ставится после управляемого, напр. дополнения предшествуют глаголу и т. п.; отсутствие относительного местоимения повело к широкому применению причастий и деепричастий, посредством которых, особенно деепричастий, при подчинении их главному глаголу получается возможность выразить почти все то, что в арио-европейских языках требует придаточных предложений. Отсутствие союзов в тюркских языках также не может не отражаться на структуре предложений.

Японский язык и языки *дравидские* (на юге Индостана) по своей структуре являются тоже агглютинирующими, не стоящими однако в родстве между собою и с урало-алтайскими.

III. Здесь мы перечислим целый ряд семейств, родства между которыми не установлено и которые сравнительно менее изучены: 1) языки *северо-восточного угла Азии*, т.е. языки юкагиров, коряков, чукчей и камчадалов, родственные отношения которых недостаточно раз'яснены; 2) языки *Кавказа*, распадающиеся на языки северного склона (черкесский, чеченский и лезгинский) и южного (грузинский, сванетский, мингрельский), при чем до сих пор не только не установлено родства между северною и южною группою, но даже и между отдельными членами северной группы; 3) *малайо-полинезийские* на многочисленных островах Великого океана; 4) *американские* языки туземцев Америки; 5) кафрские языки южной Африки, образующие семейство *банту*; к югу от них находятся неродственные им и между собою языки *готтентотов* и *бушменов*, а к северу простирается область различных *негрских* языков, родственные отношения которых не установлены.

IV. *Семитские* языки, относящиеся к флексийному типу и в значительной части уже вымершие, образуют следующие ветви: *ассиро-вавилонская*, известная из клинообразных надписей Вавилона и Ниневии, *ханаанская*, представленная языками еврейским и финикийским, *арамейская*, рано вытеснившая собою из живого употребления язык ассиро-вавилонский, а позже также еврейский, частию же в скудных остатках сохранившаяся до настоящего времени под именем новосирийского, и наконец *арабская*, при чем язык арабский, ставший священным языком ислама, не только сохранился до настоящего времени, но и значительно распространился чрез завоевания на другие области (он употребляется в Аравии, Месопотамии, Сирии, Египте, северной Африке и на о. Мальте).

Самыми крупными лингвистическими чертами семитских языков являются *трехсогласный характер корней* и *внутренняя флексия*. Первая из этих особенностей состоит в том, что корни в семитских языках необходимо содержат три согласных звука (напр. *q-t-l* убивать, *k-t-b* писать, *d-b-r* говорить), между тем как в арио-европейских языках строение корней представляет значительное разнообразие; вторая же особенность заключается в том, что гласные, в отличие от согласных, представляют меняющуюся часть, при чем эта смена гласных образует внутреннюю флексию, а придаточные морфемы составляют внешнюю (напр. араб. *qatala* он убил, *qutila* он убит и т. п.; аналогичные образования получаются и от других корней, откуда проистекает простота флексии). Впрочем определенная мена корневых гласных наблюдается и в арио-европейских языках, срв. в русском языке *носить* || *нáшивать*, *ходить* || *хáживать* и т. п., или в немецком b*i*nden || b*a*nd || geb*u*nden, f*i*nden || f*a*nd || gef*u*nden и проч., при чем видим, что и здесь согласные составляют как-бы остов форм, а гласные—переменную часть. *Склонение* в арабском языке является трехпадежным (Им., Род. и Вин.), а еврейский язык уже потерял падежные окончания и перешел к аналитизму, т. е. понятие о падеже выражается посредством предлогов, приставляемых к имени. В существительных различаются *два рода* (муж. и жен.), а прилагательные согласуются с существительными в роде, числе и падеже, т.е. подобно арио-европейским языкам. В глаголе только *два времени*—совершенное для обозначения действия совершившегося и несовершенное для выражения несовершившегося действия, при чем эти времена различаются местом личного суффикса и гласным корня (напр. katab*ta* ты написал, *ta*ktubu—действие несовер.); срв. в арио-европ. языках и в татарском одинаковость личных окончаний в настоящем и будущем, в отличии от прошедших времен, имеющих особые окончания, а кроме того нередкие случаи, где форма настоящего времени получает значение будущего времени. В настоящее время ученые склонны считать родственным с семитскими языками семейство языков *хамитских*, куда относятся древне-египетский с коптским и берберские языки севера Африки.

V. *Арио-европейские* или *индо-европейские* языки подобно семитским также относятся к флексийному типу. Цепь этих языков простирается от берегов Ганга и до Атлантического океана, а путем колонизации они проникли во все части света; это семейство образуют ветви—индо-иранская, литво-славянская, греческая, италийско-

романская, германская и нек. др. В отличие от семитских языков арио-европейские представляют большее богатство падежных форм (в имени—в исходном или праязыковом состоянии до восьми) и форм временных в глаголе; в именах различаются три рода (муж., жен. и средний), которые впрочем в некоторых из них, напр. романских и литовском, убавились до двух или даже, как напр. в английском, грамматическая категория рода почти исчезла. Подобно семитскому семейству бо́льшая часть современных арио-европейских языков уже перешла из „синтетического" состояния в „аналитическое", т.е. усвоила флексию подобно напр. французской: *de la* table, *à la* table и проч. или в глаголах—*j'ai* lu, *j'avais* lu и т. д. Отсюда видно, что, с переходом языка из синтетического состояния в аналитическое, прежнее разнообразие уступает место большей простоте флексии, т.е. изменение происходит в направлении большего удобства для памяти. Следует думать, что этот процесс, широко распространенный не только в языках арио-европейских, но также и семитских, вытекает из самой природы языка и происходит благодаря тому, что часть выражения, являющаяся особенно частою и постоянною при меняющихся других частях, легко становится формальным элементом, понижаясь в своей знаменательности. Что касается применяемых в этом случае терминов „аналитический" и „синтетический", то они мало соответствуют существу дела, так как в этом процессе имеем дело не с различием анализа или синтеза, а только с понижением знаменательности некоторой части в выражении до роли формального элемента. Продолжающиеся попытки установить родство между семействами арио-европейским и семитским пока не могут считаться достаточно удавшимися.

Бросая общий взгляд на все вышеизложенное, мы приходим к следующим общим мыслям. Подобно тому, как разные люди представляют преобладающие наклонности в своих духовных свойствах, придающие им индивидуальную физиономию, так и разные типы языков не являются чем-то взаимно несоизмеримым, но только при выражении одних и тех-же потребностей мысли они отдавали преимущество не одним и тем же способам, а отсюда накопившиеся в течение тысячелетий различия и придают им на первый взгляд столь различную физиономию, при чем играет роль и неодинаковость темпа в развитии. Но эти различия имеют важное значение для прогресса мысли, заставляя человечество приближаться к истине как бы различными способами, освещая ее с разных точек зрения, а это ведет к наиболее полному достижению истины.

ПРИБАВЛЕНИЯ.

1) *Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковою системою общерусского языка.*

Изучать физиологически звуковой состав языка можно не только исключительно в нем, но и сравнительно с другими языками; я имею в виду представить характеристику звуков татарского языка в соотношении с соответствующими русскими, пользуясь следующим порядком изложения: а) гласные ударяемые, б) гласные неударяемые, в) согласные звуки.

а) Ударяемые гласные.

1) В отношении временной *длительности* ударямые гласные татарского языка распадаются на две категории: *более длительные* —а, ä, і, у, ӱ, ы, *более краткие*— ө, ӧ, і̥, ы̥, с вариациями в зависимости от открытости и закрытости слога, при чем в закрытых слогах та и другая категории несколько укорачиваются (Шараф, работавший в Кабинете экспериментальной фонетики при Казанском Университете, определял экспериментально степень длительности татарских гласных в односложных словах и получил результаты, подтверждающие данное наблюдение). В русском языке ударяемые гласные имеют приблизительно одинаковую длительность, вариируя лишь в открытых и закрытых слогах.

2) С *качественной* стороны о перечисленных гласных татарского языка можно заметить следующее:

Татарское *а* в отношении *физиологическом* требует заднеязычной артикуляции, которая совершается гораздо глубже по сравнению с соответствующим русским гласным; в связи с этим, татарский гласный со стороны *акустической*, в оценке русского слуха, имеет наклон к *о* (å) в отличии от русского *а* и слышится более задним (впрочем в разной степени, смотря по диалекту); экспериментальное исследование того и другого гласного в отношении ртового резонансового тона дает вполне согласное показание: резонансовый тон татарского гласного ниже русского почти на дватона. При выговаривании татарином русских слов ударяемое *а* естественно субститируется этим природным более глубоким гласным, напр. луга̊= „луга̀“ (также в слоге перевом перед ударением, са̊ды=„*са*ды“).

Так как звуковая система каждого языка представляет не простое собрание звуков, но гармонически связанное целое, то вполне естественно, что те или иные свойства гласных могут быть родственны со свойствами звуков согласных; полагаю, что только-что указанная особенность физиологическая и акустическая гласного *а* (å) может находиться в связи с более глубоким произношением татарского *q*.

Татарский гласный *ä* значительно шире русского открытого э; в связи с этим русские при заимствовании татарских слов, содержащих гласный *ä*, нередко субститируют его посредством гласного 'а (т. е. *а* с мягкостью предшествующего согласного). Так как, далее, в самом татарском языке степень открытости гласного ä диалектически варьирует, то в зависимости от этого ученики татарских школ не все легко научаются произносить русское широкое *э*, произнося его не одинаково (одни более, другие же менее) открыто.

Относительно других долгих гласных, т. е. і, у, ӱ, ы замечу, что на мой слух они являются простыми гласными, а не дифтонгами; только *ы* иногда представляет дифтонгообразный оттенок, суживаясь к концу. Гласный ӱ диалектически имеет вариации вследствие некоторого приближения к нюансу *і* (ӱ^{і})

Что касается кратких гласных і̥, ы̥, то все мои записи согласно показывают, что русскому уху в обоих случаях слышится *і* или *ы* с оттенком *э* (і^{э}, ы^{э}), т.е. эти гласные не являются вполне узкими, но с наклоном к средним; именно этот нюанс (в моих записях иногда встречается даже обозначение через простое *э*) и нужно признать характерною чертою данных гласных. В некоторых случаях вместо нюанса ы^{э} выступает оттенок ы^{0}; это, напр., между *л* и *k* в слове б а л ы^{0}*q* «рыба».

Гласные о и ё также представляют наклон к средним по открытости гласным, могущий стоять в связи с их малою лабиализацией; в моих записях они обычно передаются начертанием ӯ без палятализации или же с палятализацией.

К сказанному прибавлю, что при заимствовании русских слов в татарский язык русские ударяемые *і* и *у* нередко субститируются через і̥ и *о*, что я ставлю в связь с соотношением по длительности ударяемых гласных звуков в этих языках, срв. произношение: дві̥жу=„дв*и*жу“, нi̥ва=„н*и*ва“, пот || „п*у*д“. Такая субституция по моему мнению вызывается тем, что русские ударяемые гласные более подходят в отношении длительности к татарским гласным с меньшею длительностью, т. е. кратким. С другой стороны, наблюдается часто обратная субституция, именно русских *о* и *э* через *у* и *і*,

напр. св*у*й=„свой“, с*у*нца=„солнце“, вр*і*мä=„время“ и т. п. отчасти это может быть следствием предшествующего, ибо только эти гласные и остаются для отличия в передаче русских средних гласных *о* и *э* от узких (срв. в части сев.-влр. говоров замену *ч* через *ц*, а *ц* через *ч*); но кроме того здесь участвуют в большой мере и требования тюркской гармонии гласных, срв. напр. л*у*гá=„луга“, где ударяемое и потому устойчивое конечное *á* легко может уживаться с *у* (но не с *ѳ*) в начальном слоге. Аналогичные замены наблюдаются и в русском письме учеников-татар, напр. мел*а*=„мелу“, р*и*дкий=„редкий“ и т. п.; в этих случаях я достигал хороших результатов, произнося рядом гласные *э* и *і*, *о* и *у* в связи с их обозначением и таким образом доводил учеников до уменья правильно пользоваться начертаниями *е* || *и*, *о* || *у*.

3) В татарском языке имеются суживающиеся *дифтонги*, напр. ау, ai, естественно произносящиеся одним (а не двумя) толчком воздуха из груди, при чем узкие их компоненты в зависимости от открытости и закрытости слога и от положения относительно ударения, могут варьировать по степени редукции и в своем качестве, клоня более или к полугласным, или же к спирантам (особенно дифтонги на *і*).

4) Весьма характерною для произношения татарских гласных является та черта, что они, начиная слово, имеют *аттакированное* произношение (hamza): это последнее состоит в том, что звучанию гласного предшествует взрыв предварительно сомкнутых голосовых связок, тогда как, напр., в русском языке звучание гласного начинается уже на пути к смычке голосовых связок (впрочем, иногда аттакированное произношение слышится и в русском языке, напр. в частице „*э*х!“ и некоторых других). Таким образом, звук аттакированья (hamza) может рассматриваться как взрывной согласный гортани; он встречается и в некоторых европейских языках, напр. немецком (срв. *a*ber и т. п.), и обычно ничем не отмечается в орфографии, являясь необходимым элементом национального произношения; в некоторых языках (напр. датском, диалектически—литовском и латышском) hamza встречается внутри гласного производя в нем перерыв звучания, а в татарском иногда в конце гласного в виде моментальной смычки и происходящей отсюда моментальной остановки звучания голосовой щели, напр. в детском слове ма'май; французское „*h* aspiré“ есть ничто иное, как hamza (напр., la *h*ache). Необходимо однако помнить о возможности указываемых исследователями *вариаций* в самой природе аттакированного произношения

гласных (напр., в виде затихания, а не полного перерыва внутри гласного).

б) Неударяемые гласные.

Ослабление неударяемых гласных в татарском языке представляет вариации по степени, стоящие в связи с существованием самостоятельной долготы и краткости гласных ударяемых, а именно в одном и том же слабом неударяемом положении долгие гласные сохраняются в виде средней или же краткой длительности, тогда как краткие становятся весьма краткими и мимолетными и способны даже исчезать, срв. баба́, но уже—тᴧра́м (от „тор"). Если мы будем посредством цифр означать по слуху степень веса гласных в словах двусложных (конечно—с ударением на конце, по свойству антропофонического строения татарских слов), то будем иметь следующие вариации: [1])

1) 1 | 2: *баба*, *қата*;

2) $^1/_2$ (или ⌒) | 2: тᴧра́м;

3) $1^1/_2$ | 1: ті̯шік; [2])

4) $^1/_2$ | 1: сі̯лі̯к.

Подобного рода вариации будут также в словах трехсложных и четырехсложных; я приведу примеры лишь с гласным *а*:

5) $1^1/_2$ | 1 | 2: қа̀рӑма́қ, *қатада*;

6) 1 | $1^1/_2$ | 1 | 2: мапа̀раӡа́.

Примечание. Мои экспериментальные данные относительно первого случая вполне согласуются с указанным по слуху относительным весом гласных, но в отношении пятого случая (слово *қатада́* представляют колебание в „длительности" обоих предударных слогов, как это видно из следующих цифр, представляющих сотые доли секунды: 10 | 7 | 32, но и 8 | 10 | 28.

---

[1]) Указываемые вариации при ослаблении татарского неударяемого вокализма весьма поучительны для понимания такого же процесса в арио-европейском праязыке, где тоже существовало различие в ослаблении долгих и кратких гласных.

[2]) Приведу наблюдение над произношением данного слова, произведенное над учеником Казан. тат учит. школы: „оба слога произносит на одной и той же высоте, но первый слог продолжителен, второй—очень краток, и в то же время первый слог не так энергичен, как второй; в этих свойствах я вижу причину того, что ученик затруднился определить место ударения в данном слове".

В тех неударяемых положениях, которые мы обозначали цифрою единицею (или $^1/_2$), возможно ослабление до степени мимолетных и даже до нуля тех гласных, которые являются краткими по природе, напр. сi̥li̥к „тряси“ || сi̥l‸кi̥т „заставь трясти“, при чем во втором слове, которое из трехсложного стало двусложным, гласный i̥ начального слога перед *l* может затем ослабляться до степени минимального (сi̥lкi̥т) и даже совсем изчезнуть, и тогда *l* становится „слогообразующим“ (l̥); иногда слогообразующие согласные появляются и помимо исчезновения гласных, просто вследствие накопления согласных, срв. а̥лтмы̥ш. Здесь мы видим, как обычное представление о слоговом составе слов оказывается недостаточным, как скоро мы обращаемся к живому произношению: здесь мы наблюдаем не только определенные слоги, но и полуслоги и даже лишь намек на слоги, относительно которых не всегда можем сказать, имеют ли они некоторую самостоятельность, или же только прислоняются к соседнему слогу, не неся особой слоговой функции, сравни мi̥нäм || мi̥нäм || м‸нäм „лезу“, сi̥lкi̥т || сi̥lкi̥т || сl̥кi̥т (вместе с тем мы убеждаемся, как различие между так называемыми слоговыми и неслоговыми звуками в действительности нередко теряется). Что касается *орфографии минимальных гласных*, то напр. в русском правописании они обозначаются согласно морфологическому принципу, срв. гъда̊во́j=орфографич. „годовой“ (по аналогии к слову „год“). Этот принцип применим и к татарской орфографии: в таких случаях обычно приходится обращаться в именах к форме И. ед., а в глаголах—к 2 ед. повел. накл. простого глагола.

Отмеченное явление минимальных гласных имеет важное значение для уяснения природы *гармонии* гласных в современном татарском языке: несмотря на то, что корневой гласный в известных фонетических условиях почти исчез или даже исчез и, следовательно, уже не способен оказывать влияние, тем не менее гармония гласных в аффиксах выдерживается. Ясно, что здесь причина, породившая гармонию аффиксов, уже не существует бо ее в языке, и гармония гласных таким образом является в настоящее время лишь „чередованием“ гласных, опирающимся на приобретаемой с детства *привычке к ассоциации известных отношений* между гласными аффиксов и корневыми. Поэтому ошибочно утверждают, будто в современном языке совершается „изменение“, под влиянием гармонии, напр., суффикса *лар* на *läр* и т. п.; такое изменение решительно не ощущается органами произношения во рту, оно и не существует, ибо говорящий в силу привычки прямо применяет ту или иную

разновидность аффикса в связи с наличностью определенных гласных в корне, но не меняет в момент речи одну разновидность на другую. Таким образом, здесь мы имеем дело не с „процессом изменения“, а лишь с унаследованным чередованием звуков, причина которого лежит в более или менее отдаленном прошлом (отмечаемая тенденция видеть в чередовании самый процесс изменения, в действительности лежащий в прошлом, представляет одну из весьма распространенных методологических ошибок).

Если мы спросим себя, где же искать основания для всей тюркской гармонии гласных вообще, имеющей притом непременно прогрессивное направление, то нужно принять, что основание это заключается в морфологическом строе этих языков, а именно—в полном отсутствии префиксов и в наличности лишь аффиксов, всегда идущих за корнем, этою главною морфемою корня.

Между тем в арио-европейских языках аффиксы не только следуют за корнем, но и предшествуют ему; эта особенность морфологического строя арио-европейских языков совершенно не благоприятствовала, в отличии от тюркских, возникновению прогрессивной гармонии гласных.[1]) Правда, и в арио-европейских языках встречается явление гармонической ассимиляции гласных, но таковая в них так или иначе связана с положением гласного относительно ударения, нося таким образом чисто фонетический, а не морфологический характер (срв. в народных говорах Казанской губ. произношение—зободёт, сомовáр и т. п.).

Гармония гласных настолько проникает строй татарского языка, что подчиняет себе и заимствуемые русские слова; она сказывается также в ошибках учеников-татар на уроках русской диктовки.

в) Согласные звуки.

1) В области согласных звуков прежде всего отмечу относительно слабую артикуляцию *звонких взрывных* по сравнению с соответствующими русскими согласными. Так, татарское *б* диалектически, отчасти и индивидуально, в некоторых положениях почти не отличимо от губно-губного *в*; например, в словах сiбäм „сею“, ӱбäм „целую“ у лица казанского происхождения слышалось мне то *в*, то

[1]) Между тем как в арио-европейских языках идеи аффиксов всплывают в уме говорящего частью ранее идеи корня, а частью вслед за нею, в тюркских языках они всегда следуют за идеей главной морфемы или корня, что и обусловило—как мы раз'яснили—господство прогрессивного направления ассимиляции в этих последних языках.

б (в моих записях этот звук передан через $^{\text{з}}_{\text{б}}$ или $^{\text{б}}_{\text{з}}$). Такое произношение происходило от того, что данное лицо то вполне сжимало губы, то только приближало. Подобное недожимание органов произношения естественно связывается с укорочением артикуляции. И действительно, мои экспериментально-фонетические исследования констатируют значительно бо́льшую краткость татарского *б* сравнительно с русским, например, в слове *баба́*. В области же глубокого ряда задне-язычных согласных глухому взрывному k соответствует уже прямо звонкий спирант ҕ.

2) Из глухих взрывных слабую смычку имеет категория *слитных* согласных. Для подтверждения этого мы находим обоюдные доказательства, т. е. в попытках произнесения русских *ч* и *ц* татарином и татарского *ч* русским. Так, я, например, обычно вместо татарского *ч* подставляю русское, и слушатели из татар указывают, что я произношу неправильно (например, в числительном ӧ*ч* „три“): ухо татарина в моем произношении слышит как бы лишнее *т* в начале *ч*. Наоборот, русский слышит в устах татарина в данных звуках преобладание спиранта; например, относительно слов „*ц*ветках“, „кон*ц*а“ замечено в моих материалах: слабое сжатие, вследствие чего взрывной элемент слышится слабо и преобладает придувной, и некоторые произносят просто *с*. Само собою разумеется, что сказанное применимо и к произношению звонкого татарского ɥ (^{д}'ж') || башк. j. Попутно отмечу, что диалектически вм. *ч* и ɥ можно наблюдать и просто мягкие спиранты ш', ж', вместо которых встречаются и свистящие рефлекты с' и з' (^{д}'з'), с чем можно сопоставить весьма обычное в арио-европейских языках диалектическое чередование шипящих и свистящих разновидностей; все эти вариации произношения, встречаемые в разных уездах Казанской губернии, заслуживают тщательного исследования, между прочим по вопросу, существует ли параллелизм этих вариантов одновременно для глухой и звонкой фонемы (сравни i̥ч „пей“ || i̥ш' || i̥с'; jil „ветер“ || ɥil || ^{д}'з'il || ж'il || з'il).[1])

3) *Аккоммодация согласных* имеет прогрессивное направление (сравни ат*q*а, ідäн*н*äр), как и гармония гласных, точно также об'яснимое семазиологическою устойчивостью конечного согласного в корнях

---

[1]) В Казан. тат. учит. школе мне приходилось наблюдать у учеников процесс диалектического нивеллирования; так, напр., один ученик произносит jiṗ „земля“, тогда как другие выговаривали ɥiṗ; когда я его переспросил, то он уже произнес ɥiṗ.

и происходящею отсюда относительною его неизменяемостью.[1]) Такое направление аккомодации стало настолько господствующим, что обнаруживается и внутри самого корня во *влиянии палятального гласного на следующий согласный*, приобретающий некоторую полумягкость, например, бäр, бiш, кӱl, кӧl и т. п., между тем как в русском языке господствует обратное направление, сравни м'эр, м'ір. Вследствие указанной разницы, при выговаривании татарином русских слов проявляется тенденция произносить палятальные слоги $C'+V^1$ с некоторой твердостью (напр. бэ, вэ, сэ и т. п.) и переносить мягкость на следующий согласный, напр. мір, что́ сказывается и в ученических ошибках при написании русских слов, сравни „ходеть“ (=ходит). С другой стороны, русскому не привычно твердое произношение подобных палятальных слогов, и, напр., при выговаривании татарского суффикса *мäк* согласный *м* в устах русского получает некоторую мягкость, тогда как конечное *к* произносится совсем без мягкости, вследствие чего такое произношение уху татарина представляется не правильным; для правильного произнесения данного аффикса русский должен произнести согласный *м* твердым и от него перейти к палятальному гласному *ä*, конечному же согласному придать некоторую палятальность. Оценивая степень смягчения согласных в татарском языке, нельзя не отметить, что разные категории представляют неодинаковую смягчаемость: наибольшую—плавные *л* и *р* и носовой *н*, меньшую—*т*, *д*, *ш*, а еще меньшую—губные; несмотря однако на разную степень смягчения разных согласных, тем не менее в татарском языке существует „грамматический“ параллелизм в чередовании твердой и мягкой (полумягкой) разновидности согласных. Интересно отметить, что татарское глубокое *q* умягчается не только под влиянием предшествующего палятального гласного в закрытом слоге, но и перед таким гласным: по поводу этой особенности нужно указать, что и в арио-европейских языках категория задне-язычных согласных подвергается смягчающему влиянию не только последующих, но и предшествующих палятальных гласных, как напр. в германской и славянской языковых областях.

4) Наконец укажем, что многие *группы согласных* в русских словах представляют трудность для произнесения их татарином, и он обычно перед начальною группою произносит мимолетный глас-

---

[1]) При *книжном влиянии* начальный согласный аффикса может произноситься и без уподобления конечному согласному корня, напр. балыqqа ‖ балыqҕа „рыбе“.

ный типа ъ=й (частью после первого согласного группы), а во внутреннюю или конечную группу вносит такой же переходный элемент; напр.: ᵏвгóрот „в город“, ᵏвбáшню „в башню“, ᵏфпóл'е „в поле“, ᵏввóду „в воду“, ᵏссіфкој „с сивкой“ (в словах, начинающихся со спиранта с последующим взрывным, а также—с двойного или сильного спиранта); вᵏслух „вслух“, вᵏзгláт „взгляд“ (в группах, начинающихся со спиранта, но состоящих более, чем из двух согласных); kᵏнам „к нам“ (группа начинается с взрывного согласного); вóлᵏk „волк“ и т. п. Перед начальною звонкою группою мимолетный гласный может редуцироваться до степени аттакированного произношения группы (т. е. до степени hamza), напр., 'вдовá, хотя такое произношение выступает неодинаково заметно у одного и того же лица.

2) *Ученические ошибки на уроках русской диктовки в татарской школе.*

Изучение ученических ошибок при письме приводит к установлению их типов и пониманию причин, а вместе с тем помогает находить лучшие способы раз'яснения ученикам их ошибок, удерживая в то же время преподавателя от излишней взыскательности.[1]) Ошибки представляют некоторые новые черты в том случае, когда диктуемый текст принадлежит чужому языку. Чтобы познакомить читателя с особенностями в ошибках учеников татарской школы на уроках русской диктовки,[2]) я рассмотрю ошибки в семи ученических тетрадях первого класса, взяв начало диктованного мною текста „Ось и чека". При диктовке этого текста я произносил слова согласно нормальному литературному выговору, а не приспособляясь к требованиям орфографической передачи. Сначала я приведу самый материал ошибок, расположив его в прилагаемой специальной таблице: в первом вертикальном столбце этой таблицы последовательный ряд цифр указывает порядок слов текста, самые же слова приведены одно под другим во втором вертикальном столбце; дальнейшие вертикальные столбцы, зарегистрированные сверху начальными буквами русского алфавита, заняты ошибками из тетрадей учеников (ошибки против буквы ѣ мною исключены).[3]) Читая таблицу в горизонтальном направлении, мы наблюдаем за вариациями в передаче одного и того же слова в разных тетрадях, а рассматривая вертикальные столбцы, можем сле-

---

[1]) Срв. мою брошюру „Изучение малограмотных" написаний, 1881 г. (оттиск из Фил. Зап.); статья затем перепечатывалась с изменениями в моих „Очерках по языковедению и русскому языку".

[2]) Мои замечания опираются на мой опыт преподавания русского языка в Казанской татарской учительской школе в период 1881—1884 г. В школу поступали ученики нередко с очень слабым знанием русского языка, но за время пребывания в школе они успевали в достаточной мере усвоить русский язык и его правописание, чему не мало содействовало то, что преподаватели всех предметов обращали внимание при своих уроках и на русский язык. В своей статье я имею в виду ученические ошибки, а не описки (о типах описок см. в моих „Лекциях по общему языковедению", 1915², стр. 199—204).

[3]) Ученики происходили из разных местностей: а) Казань, б) Свияж. (дер. Татарская Наратли), в) Тетюш. (д. Шамболкчи), г) Тетюш. (д. Утямыш), д) Уфим. (Новый Усман), е) Уфим. (д. Арская), ж) Сарапул. (д. Деветерни).

Табеллярное представление ошибок.

	а	б	в	г	д	е	ж
1 Ехал	Ехл	ехол		ехл		ехл	ехл
2 извощик		извощек		извощек		избущек	извочек
3 Семен	семен	Симен		симен	Симен	Симён	Симен
4 с кладью	складью	с кладию	кладию	кладию	складию	кладею	кладию
5 глухой		голохой	глохой	глухуй		глохой	глохои
6 дорогой	дарогой	дароги	дороги	дароги	дороги	дарогы	даругои
7 по голому,	поголуму	пагохому		пагулму			
8 ровному	ровнму						
9 степному		стикному				с тиному	стебному
10 месту.				место			место
11 Беда							
12 не по лесу	польсу	польсу	полсу	ползу	полесо	полесу	ни польсу
13 ходит,		ходеть		ходет	ходет	ходет	хоет
14 а найдет						анаидют	наиет
15 беда,							
16 растворяй	рствараий	рствараий	ростворей	рствараий	рствараий	рствриий	рстоварои
17 ворота	врата	варата		ворото	варата		

дить за характером ошибок и их индивидуальностью у отдельных учеников (пустые клетки указывают на отсутствие ошибки).

Приведенный в таблице небольшой материал позволяет установить следующие типы ошибок.

1) По отношению к вокализму ряд написаний свидетельствует о подчинении русских слов закону тюркской гармонии гласных; срв. передачу слов „глухой“ через *о—о* (5 б, в, е, ж) или *у—у* (5 г) и „ворота“ через сплошное *а* (17 б, д) или через сплошное *о* (17 г). Этот тип написаний гармонирует с тем обстоятельством, что и само произношение (простонародное) татарами русских слов подчиняется закону гармонии.

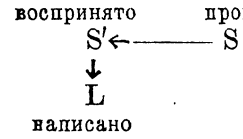
2) По отношению к отдельным гласным наблюдаем тенденцию к обозначению ударяемого *о* посредством начертания *у* (2-е, 5 г, 6 ж, 7 г), а после мягких согласных через *ю* (14 е), и—наоборот —нередкое обозначение *у* через *о* (5 б, в, е, ж, 10 г, ж, 12 д), встречающееся в слогах ударяемом, первом перед ударением и на конце слова, т. е. в тех положениях в слове, которым свойственно сильное или же довольно сильное произношение. Эта особенность письма отражает в значительной мере замену в татарском простонародном произношении гласных *о* и *у* русских слов. Аналогичную субституцию встречаем и по отношению к гласным *е* и *и*, при чем *е* часто передается посредством *и* (3 б, г, д, е, ж, 9 б, е, 16 е), а гласный *и* через *е* (2 б, г, е, ж, 13 б, г, д, е, ж). Интересно отметить написание „рствр*ий*“ (16 е), где гласный *а*, окруженный мягкими звуками, передан через *и*, т. е. подобно передаче гласного *е*, а это свидетельствует, что звук такого *а* склоняется к *е* (ближе к произношению данный гласный передан в написании „ростворей“ 16 в). Здесь мы имеем пример того, как ошибочные написания могут давать указания на нюансы воспринимаемых звуков чужого языка.

3) О неударяемом вокализме заметим, что при передаче русских слабых мимолетных гласных, обозначаемых в научной транскрипции через *ъ* (=краткому, слабому *ы*) и *ь* (=краткому, слабому *и*), особенно часто встречающихся во втором слоге перед ударением и после ударения внутри слова, характерною чертою является полный *пропуск* такого гласного; срв. передачу слов „ех*а*л“, „ровному“, р*а*створяй“, „в*о*рота“, „по л*е*су“ (в написании „польсу“ *ль* выражает только мягкое *л* с нулем гласного). Интересна разнообразная передача конечного слабого неударяемого *ой*, обозначаемого в научной транскрипции посредством *ъj*, см. передачу слова „дор*о*гой“. На ряду с пропуском отметим и пример *вставки* гласного между *г* и *л* в пред'ударном слоге слова „глухой“ (срв. 5 б). Акающее произношение орфографического *о* в слоге первом перед ударением отражается в частой передаче через *а*, срв. написания слов „дорогой“ „по голому“, „раствор*а*й“, „вор*а*та“.

4) В области согласных можно в нашем тексте отметить несколько характерных ошибочных написаний. Сюда относится написание „избущек“ (2е), могущее стоять в связи с тем, что в татарском языке, по моим наблюдениям, встречается произношение *б* с столь слабым смыканием губ, что звук слышится средний между *б* и *в*, то есть похожий на тот и другой; отсюда рассматриваемое написа-

ние приводит к вопросу, не проявляется-ли в нем особенность диалекта писавшего (уроженца дер. Арской, Уфимской губ.). Здесь мы видим, как малограмотные написания могут оказываться полезными для диалектологии языка. Отметим далее написания „стебному“ (9ж) и „ползу“ (12г), где глухой согласный передан начертанием соответствующего звонкого, т. е. был воспринят с звонкостью, очевидно—благодаря соседству с сонорным согласным (*н*, *л*); написание „стижному“ (9б) представляет весьма обычную ослышку, состоящую в замене смычного согласного одного органа произношения смычным другого органа; очевидно слово не было понято писавшим. Отметим еще пропуск мягкого согласного *д* в словах „ходит“ (13ж) и „найдет“ (14ж), оба случая у одного и того же ученика. Написание „ходе*т*ь“ соответствует особенности татарского языка, состоящей и некотором смягчающем влиянии палятального гласного на следующий за ним твердый согласный.

5) Вообще, при оценке ошибочных написаний как гласных, так и согласных, нужно считаться с тем., что пишущий чуждые звуки воспринимает в окраске своих (автоморфизм), соответственно чему и обозначает их. Самый процесс „автоморфичного восприятия звуков + графическая передача“ можно представить в следующей схеме:



При этом процессе, в случае отсутствия вполне подходящего обозначения, естественно происходит субституция начертаниями звуков близких („приблизительное обозначение“). Сюда напр. относится передача слова „кладью“, кроме правильного написания, еще посредством „кладию“; срв. также варианты в обозначении конечного слога в слове „доро*г*ой“.

6) В морфологическом отношении отметим частое написание предлогов и предложных частиц слитно с последующим именем, срв. в таблице передачу выражений — „*с* кладью“, „*по* голому“, „*по* лесу“. Эта черта, обычная и у русских учеников, в письме татар находит поддержку в том, что в татарском языке категория предлогов отсутствует, заменяясь послелогами. Аналогичное явление наблюдается и по отношению к написанию союзов. Из других явлений укажу на случаи ошибочного „морфологического переразложения“,

происходящие от непонимания морфологического состава слов, напр. написание „с тиному“ (9 е; срв. и другие написания того же слова); в другом диктованном тексте („Две бочки“) встречаем в одной из тетрадей такие написания, как: „с качнесется (=вскач несется), „поля завни“ (=польза в ней), т. е. случаи переразложения не внутри слова, а между словами предложения. Конечно, здесь в широкой мере проявляется степень индивидуальной подготовленности учеников в области русского языка.

Приведенными наблюдениями, выведенными из предложенного небольшого текста, я и ограничусь. Моею целью было обратить внимание преподавателей на то, как много поучительного и важного для пользы дела может дать внимательное рассмотрение ученических ошибок. [1])

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

[1]) Весьма интересные наблюдения над русским письмом учеников-грузин сообщает в своей статье об орфографии преподаватель Потийской гимназии С. Данелия (в Приложении II к Циркуляру Кавказского учебного округа за 1915 г.), причем он для илюстрации приводит образцы ученических текстов, к которым присоединяет свой комментарий, а сверх того для подкрепления своих положений обращается к статистическому методу.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Общий курс русской грамматики. (Из университетских чтений) Издание 4-ое, дополненное. Казань, 1913.

Русская грамматика. Пособие для педагогических классов и при самообразовании. Казань, 1918.

Лекции по общему языковедению. Издание 2-ое, значительно дополненное. Казань, 1915.

Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению. (С рисунками в тексте). Вып. I—III. Казань, 1917—1922.

Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. Издание 2-ое, исправленное и значительно дополненное. Казань, 1917.

Сравнительная грамматика арио-европейских языков. Вып. 1-ый. Казань, 1914.

Очерки по языковедению и русскому языку. Пособие при изучении науки о языке. Изд. 3-ье, 1910. Распродано.

О крымско-татарском наречии. Казань, 1903. Распродано.

Неправильности русск[illegible] 1900. Распродано.

О преподавании рус[illegible]ние 3-ье. Казань, 1921.